

ПОМОРСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Беломорье – родина русского торгового флота и мореплавания. Мореплавание по Белому морю началось с незапамятных времен. В середине XII в. жители Беломорья – онежане и двиняне – достигали южного побережья Кольского полуострова, а к концу XII – северного, доходили до Финмаркена. Отважные и искусные русские кормчие задолго до западноевропейцев стали бороздить на утлых суденышках бурные воды Баренцева моря. В норвежском документе конца XII в. говорится о появлении русских вблизи норвежских владений. А спустя два столетия, к концу XV века, русские были широко известны в западных странах как опытные и отважные мореходы. К тому времени они освоили морской путь из Белого моря в Западную Европу и пользовались им для ловли рыбы, дипломатических сношений.

Вот несколько примеров. В 1496 году царский дьяк Григорий Истома, посол царя Ивана III, совершил путешествие из Северной Двины до Тронхейма. Везли дьяка и его спутников четыре поморских корабля. Команда состояла из местных мореходов, знавших путь в заморские страны. Корабли, выйдя из Северной Двины, пересекли Белое море, миновали Святой Нос, Семь островов, Средний и Рыбачий полуострова, прошли дальше на запад. В районе Тромсё посольство пересекло русско-норвежскую границу и добралось до Тронхейма, где русские корабли остались, а Истома на санях добрался до Копенгагена. В том же году целая русская рать с Северной Двины на судах прошла в Норвегию, а оттуда пешком в Каянскую землю, в шведское владение на побережье Ботнического залива.

В 1497 году царскими послами Дмитрием Зайцевым и Дмитрием Ралевым было совершено путешествие из Копенгагена в

устье Северной Двины. Таким образом, морской путь из Московского государства через Баренцево и Белое моря был открыт русскими задолго до западноевропейцев. Однако западные историки это открытие приписывают английской экспедиции под руководством адмирала Виллоуби, состоявшейся в 1553 году. Корабли Виллоуби смогли добраться до восточного побережья Мурмана, два из них были штормом выброшены в устье реки Варзуги, где и погибли вместе с адмиралом, а третий, которым командовал Ченслер, попал в Северную Двину. Историки установили, что в конце XV века, то есть за столетие до того, как Шпицберген был открыт экспедицией Баренца, поморы плавали на него и вели промыслы. В 1364 году они достигли устья Енисея и там основали поселение – знаменитую Мангазею, которая стала центром торговли. Онежане первыми освоили китобойный промысел. Право первенства в открытии и освоении Новой Земли принадлежит поморам Савве Ложкину, Ивану Старостину и Якову Чиракину, организовавшим там рыбные и зверобойные промыслы.

**Освоив промысел в белом море. поморы
смело шли на просторы полярного океана.
В поисках рыбы и зверя отдельные промышленники
плавали к северной Норвегии. Новой Земле, Груманту [Шпицбергену].**

Поморы научились строить большие парусные суда для плавания в арктических водах.



На Шпицбергене с XVI века зверобойными промыслами занимался род Старостиных из Кеми. Один из них провел на острове 32 года. Свыше тридцати лет плавал на Новую Землю помор Исаков. В 1835 году он открыл группу островов севернее острова Панкратьевского, которые были названы островами Исакова. Позднее они были переименованы норвежцами в острова Гольфстрим. Яков Чиракин из села Шуерецкое первым прошел через пролив Маточкин Шар в Карское море. Он сделал описание пролива и карту.

Походы поморов на Шпицберген и Новую Землю были поистине героическими, ведь они плавали на небольших деревянных судах среди льдов и айсбергов, более чем за тысячу миль от земли. Чтобы не заблудиться в бескрайних просторах моря, выдержать жестокие штормы, нужно было иметь крепкий корабль, достаточно мореходных знаний, смелое сердце. Мореходов не пугала опасность зимовки на пустынных островах, лишенных растительности, покрытых вечными льдами, отрезанных от мира сотнями и тысячами миль.

Много славных страниц в историю освоения и исследования полярных морей, земель и островов вписали мореходы Беломорья. Виллем Баренц, посетив Новую Землю в 1594 году, нашел во многих местах кресты с русскими надписями. Это памятники первооткрывателям. Его экспедиция несколько лет подряд искала выход на восток и не могла пробиться дальше Югорского Шара, а поморские корабли с товарами ежегодно плавали до Енисея.

В 1940 году наши моряки нашли на полуострове Таймыр следы погибшей в середине XVII века экспедиции – котлы, топоры, сковороды, ножницы. Найдены были также кремниевые ружья, различные инструменты, безмен (весы), украшения, промысловое снаряжение. На рукоятках ножей обнаружены надписи: «Иван», «Акакий Мур...» Исследование находок показало, что в распоряжении мореходов были первоклассные по тому времени навигационные приборы. Тут были компасные солнечные часы, изготовленные русскими мастерами по образцу западноевропейских приборов. Среди находок было несколько наборов шахматных фигур, в ножнах одного ножа сохранились остатки русской грамоты XVII в, было собрано три с половиной тысячи серебряных монет. Все это говорит о том, что в дальние плаванья поморы отправлялись хорошо снаряженными. Плаванья поморов на острова Баренцева моря и в Ледо-

витый океан говорят о высокой культуре мореплавания в давно прошедшие времена. Память об открытиях русских мореплавателей сохранилась в названиях островов, мысов, заливов.

Первые устные сведения о безопасных путях плавания по Белому морю исходили от русских поселенцев. Это была как бы «устная лоция». В помощь ей ставились опознавательные знаки «гурии» – груды камней, сложенных на возвышенных местах берега, и большие восьмиконечные «навигационные кресты». Остатки их до сих пор встречаются по берегам моря. У навигационных крестов есть одна примечательная деталь – поперечина, которая всегда и везде устанавливалась в направлении меридиана (по компасу). По гуриям мореплаватели опознавали места на берегах, а по крестам судили о направлениях.

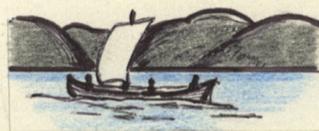
На смену устной лоции пришла рукописная. Из поколения в поколение переходили рукописные тетради – «Расписание мореходства». Введение в расписание начиналось словами: «Сие мореходное описание составлено вернейшим способом, по которому мореплаватели находят, т.е. узнают, все места, и через то оберегают жизнь свою». Поморы пользовались ею до появления печатной лоции, дополняя ее своими наблюдениями. В сборниках мореплавания описывались приметные места, обозначались глубины, якорные стоянки, естественные створы, указывались расстояния между приметными местами, давался грубый рисунок берега и описание важнейших приемов и способов ведения корабля по курсу.

Поморы с детства приучались к плаванию, к управлению судном, ходили под парусом и на веслах, приобретали от старших знания морских путей, постигали тайны мореходного искусства. В 9–10 лет дети вместе со взрослыми ходили в дальние промыслы.

Основным типом мореходного судна у поморов была лодья. Лодьи строились разных размеров. Более крупные могли поднимать до 12 тысяч пудов груза. Но чаще строили лодейки – одномачтовые суденышки, рассчитанные на 8–12 человек экипажа, способные поднимать около 6 тысяч пудов груза. Помимо прямого паруса, на носу лодейки ставился косой парус, который, увеличивая скорость движения, улучшал маневренные качества корабля. Лодки и лодейки – это торгово-промышленные суда, использовались для дальних промыслов, для больших переходов на острова и в западноевропейские страны.

Главным промысловым судном в прибрежных водах был карбас – широкая и короткая лодка, которая могла идти на веслах и под парусом. Но и на карбасах поморы нередко плавали за пределы Белого моря. Западноевропейцы восхищались смелостью наших мореходов, кораблями, на которых они плавали. Стивен Бэрроу – английский купец, побывавший в Беломорье в XVI веке, писал: «В России церкви, колокольни и дома все деревянные, а суда, которые они имеют, сшиты прутьями, без гвоздей», и далее в его путевых заметках: «Русские были смелыми и хорошими мореходами. У них были такие суда, которые шли быстрее английских». Участник экспедиции Баренца Геррит де Фер в своем дневнике 12 августа 1597 года отметил, что в море произошла встреча с русским судном, и поморы, посмотрев на «небольшой морской компас», показали голландцам, в каком направлении им идти.

В XVIII веке на Мурмане появился местный тип карбаса – шняка, лодка без палубы и кают с прямым парусом. Она была приспособлена к ярусному способу лова рыбы в открытом море артелью из четырех человек. Шняка – это шестивесельная низкобортная лодка, рассчитанная на подъем 300 пудов рыбы. Шняка была прочна, легка в ходу, недорога. Такой тип промыслового судна устраивал поморов, и вскоре она была признана лучшим судном, получила широкое распространение на промыслах Мурмана. Лодки, карбаса, шняки крестьяне строили для себя в каждом селе. Были в Поморье



Шняка

Основным промысловым судном в прибрежных водах Белого моря был карбас. На Мурмане – шняка – тип карбаса

без палубы и кают с прямым парусом.

На Шпицберген, Новую Землю, Норвегию поморы плавали на лодках и лодейках.

искусные умельцы-мастера по постройке лодей, лодеек и более крупных судов. При постройке их пользовались опытом предков и смекалкой. Крупные суда чаще строили в Архангельске, Холмогорах, Кеми, Сороке, Онеге.

Известный русский путешественник Л.И. Челищев назвал Онежскую верфь «полным адмиралтейством». И у него были к тому основания. В Онеге на местных стапелях с незапамятных времен закладывались суда для архангельских, каргопольских и холмогорских купцов. Постоянными заказчиками были также Пертоминский, Михаило-Архангельский, Николо-Карельский и Соловецкий монастыри. Славился в Онеге своим корабельным искусством лодейный мастер Максим Степанов Шихнов. В 1578 году Соловецкий монастырь купил три лоды онежского дела, в 1630 – две лоды, в 1704 году онежскую тесовую лодью, затем онежскую тесовую кочневую лодью.

В XVI веке были построены две верфи – в деревне Подпоржье и в центре Онеги. Онежская верфь являлась крупным корабельным предприятием и к тому же весьма основательным. Она имела две пильные мельницы, плотину длиной 55 сажен, две кузницы с шестью горнами, угольный сарай, модель-камеру, прядильный завод и два амбара для корабельных материалов и инструментов. Летом 1763 года со стапелей «Онежского адмиралтейства» сошли первые суда: «Де Вилиам» и «Поньга». В следующем году закончилась постройка еще трех кораблей и четырех галиотов. На Онежской верфи строились не только крупные купеческие суда «для иноземного морского ходу», но и мелкие грузовые и промысловые: романовки, лоды, яхты. Продолжалось строительство судов в Подпоржье.

В начале XIX столетия кораблестроение переместилось в крупные промышленные центры. Строительство судов на Онежских корабельных верфях стало носить случайный характер, а потом заглохло совсем. Несмотря на то, что судостроение в Онеге прекратилось, связь онежан с морем сохранилась. Онега всегда жила, кормилась и величалась морем.

История Онеги уходит в глубь веков. Впервые о поселении в устье реки Онеги упоминает Устав Святослава Ольговича за 1137 год. На карте «Земля Новгородская XII–XIII веков» поселение значится под названием Погост на море. В половине XV века москов-

ский князь Василий Темный, перечисляя двинские угодья на Севере, также упоминает поселение Усть-Онега. Исследователь С.Ф. Огородников в своей книге «Очерки истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении», вышедшей в свет в 1890 году, указывает, что в XV веке в Усть-Онеге было две церкви: Успенье Богородицы и Николы Чудотворца, и что первые поселенцы, без сомнения, были новгородцы.

Поселенцы, обживавшие Поморье, многократно терпели бедствия. По свидетельству «Летописи Двинской» норвежцы в 1419 году полностью разорили погосты Онегу и Нёноксу. Около 1613 года при набеге литовских захватчиков Устьянская волость была почти полностью выжжена и истреблена.

Городом Онега стала двести лет назад. Указом 1780 года императрица Екатерина II повелела поморское поселение Усть-Онежское называть городом Онег. В 1784 году Онега стала административным центром Онежского уезда, входившего в состав Архангельской губернии.

Онежские корабельные мастера вписали не одну славную страницу в историю своего края и, пожалуй, всей России. Суда, сделанные в Онеге, долгие десятилетия и века бороздили бурные воды полярных морей, достигали далеких берегов, выдерживали любую погоду. Последним трудовым подвигом онежских корабелов было строительство первого советского научно-исследовательского судна «Персей». Любопытна его история. Еще до первой мировой войны малошуйский купец Епимах Могучий, решив заняться прибыльным зверобойным делом, заложил на берегу Онеги специальное судно, но достроить то ли не успел, то ли не захотел. Остов этого корабля и обнаружили ученые. Они решили достроить его и оборудовать для экспедиционных работ. Деревянный корпус судна был спущен на воду в 1919 году. После освобождения Севера от интервентов «Персей» был достроен в Архангельске и передан ученым.

Петр I и Поморье

О том, что в Беломорье есть мастера лодейного дела, знали в Москве и рассказали молодому царевичу Петру. Петр, увлеченный «потешными играми» на озере Переяславль-Залесском, добился, чтобы поехали за мастерами в Онегу для постройки судов. Привез-

ли мастеров и вскоре ботики были готовы. Игры продолжались, переходя в настоящие кровопролитные бои. Вступив на престол, Петр Первый перенес все свое внимание на Север. В 1693 году он едет в Архангельск с твердым намерением организовать государственную судостроительную верфь. Из Москвы до Вологды со свитой ехали на лошадях, из Вологды на семи карбасах по реке Сухоне. Остановились передохнуть в Великом Устюге, а затем без отдыха и остановки по Северной Двине до Архангельска.

Город Архангельск, основанный в 1584 году в дельте Северной Двины, у Белого моря, вошел в отечественную историю прежде всего как первый торговый порт России. После Орлецгорода и Холмогор он стал центром всего северного края. Недаром здесь говорили: «Архангельский город – всему морю ворот». То, что увидел Петр на Северной Двине, его удивило: у причальных стенок порта стояло десятка два океанских кораблей, да втрое больше на якорях на реке. Лесом поднимались огромные мачты с паутиной снастей, покачивались высокие, украшенные резьбой кормовые части. Почти до воды висели полотнища флагов: английских, немецких, голландских, французских, испанских. На просмоленных бортах с широкой белой полосой в откиннутые люки высывались пушки. У Петра на флагманском корабле была лишь одна трехфунтовая пушечка, да на мачте развевался маленький флажок. Он подбежал к пушечке и выстрелил. В ответ раздался гром многих орудий с иностранных кораблей, и все окуталось дымом. Все, кто был с царем, поняли, как отстала Россия в кораблестроении от Запада. Вечером царь на иноземном дворе пировал, плясал, да так лихо, что все удивлялись. А ночь он не спал, думал: «Как расшевелить Россию, растолкать народ?» И было над чем подумать. В то время в Архангельске хозяйничали иностранцы – всю торговлю держали в своих руках, свои товары продавали по баснословным ценам, а русские покупали за гроши.

Петр интересовался поморскими судами. Ему показывали лодьи и лодейки и говорили: «Лодьи наши и есть корабли, хаживаем на них в дальние места – на Грумант, на Матку, на Колгуев, в Свейскую и Каянскую земли». Но это были рыбацкие, мирные корабли – без пушек и солдат. «Быть Российскому флоту, иначе не избавиться от засилья иноземцев», – решил Петр. В том же году в Соломбале, около Архангельска, он заложил первую государствен-

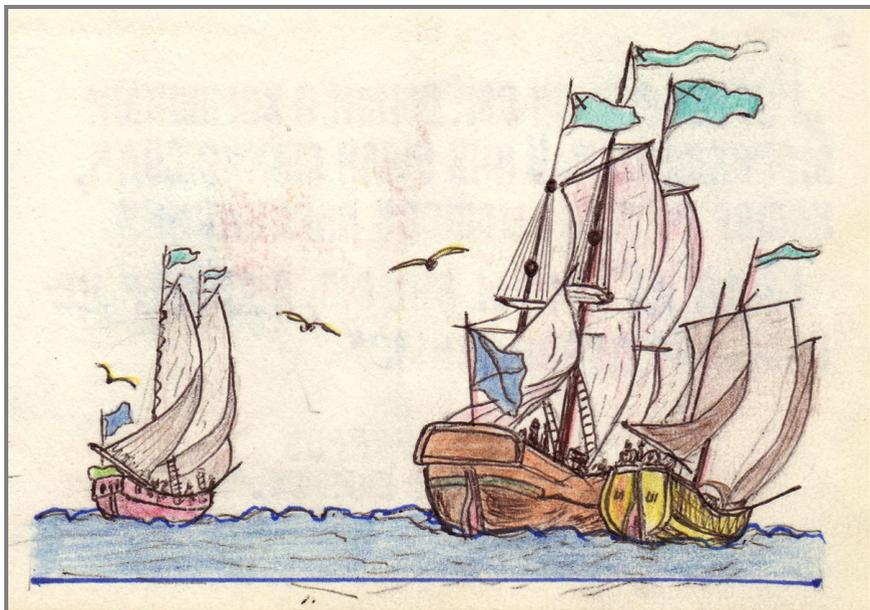
ную верфь, положившую начало судостроению в России. Для постройки кораблей были собраны мастера из Онеги, Кеми, Холмогор, Мезени, работные люди: плотники, столяры, кузнецы. Нелегко было в то время архангелогородцам: всех способных к труду мужчин забирали на верфь, на постройку кораблей.

Когда Швеция объявила войну России, был получен указ Петра I : «У города Архангельского боярину князю Алексею Петровичу Прозоровскому на малой Двине речке построить крепость. И ту крепость строить города Архангельского и Холмогорского посадскими и всякого чина городскими людьми и уездными государевых волостей и архиепископскими и монастырскими крестьянами... ибо в опасении пребываем, что король швейский Карл великие беды учинит нам посылкою воинских людей, кораблями и галерами через море для разорения города Архангельского».

В 19 км от Архангельска, в устье Северной Двины, заложили крепость. На ее постройку были согнаны крестьяне из близлежащих волостей. Не миновали этой участи и монахи северных монастырей. Ведал постройкой крепости капитан-командир Сильвестр Петрович Иевлев. За короткий срок были построены временные укрепления, установлены пушки, на реке сделаны завалы, протянуты цепи, чтобы корабли врага не могли подойти близко к крепости, чтобы расстрелять их и остановить в устье реки. Кроме того, был проделан фарватер по мелководью, чтобы вражеские корабли сели на мель.

Не только Архангельск, но и другие остроги Беломорья были укреплены для бережения от шведов. Кольский острог мог выдержать порядочную осаду. Соловецкие монахи тоже подготовились хорошо. Остроги Пустозерский, Сумский, Кемский, Мезенский нападение вряд ли могли выдержать, но дать отпор были готовы.

Война со Швецией проходила на море и на суше за выход России на Балтику, за земли, искони принадлежавшие русскому народу. Первым событием Северной войны 1700–1721 годов было нападение шведского флота на Архангельск. В то время Архангельский порт был единственным портом России, через который она вела торговлю с западными странами. Швеция боялась растущей мощи России, ее флота, начало которому было положено в Архангельске Петром. Понимая все это, шведское командование начало



готовиться к нападению на Архангельск. В большом секрете была подготовлена эскадра из военных кораблей со множеством войск и техники. Правительству Петра через дипломатические каналы стало известно о замысле Карла, и он предпринял энергичные меры для организации обороны Архангельска.

Летом 1701 года шведская эскадра появилась в Белом море сначала у острова Сосновец, а затем подошла к острову Мудьюг. В Белом море шведы взяли в плен архангельских рыбаков Ивана Рябова, опытного лоцмана, и Дмитрия Борисова. Ивана Рябова силой оружия заставили вести корабли в Архангельск. Храбрые патриоты решили погибнуть, но не допустить врагов в родной город. Они повели шведские корабли по ложному фарватеру и посадили флагманский корабль и яхту на мель. Враги набросились на Рябова и Борисова. Борисов в схватке был убит, а Рябов, тяжело раненый, прыгнул в воду и добрался до берега. Шведские корабли, попав под огонь береговых батарей, были частично потоплены, другие сожжены, и лишь немногим удалось уйти в море, не достигнув Архангельска. Петр I писал, что шведам был дан отпор у Архангельска «зело чудесно».

В то время воеводой в Архангельске был князь Прозоровский – «человек к военным делам неспособный». Он струсил, убежал в Холмогоры и жил там до изгнания шведов. Когда опасность миновала, приехал и стал творить произвол: арестовал Иевлева и Рябова, подверг их истязаниям и пыткам. Только с приездом Петра в 1702 году были прекращены издевательства над ними, а Прозоровский отстранен от власти. Иевлеву было присвоено звание контр-адмирала, Рябов назначен первым лоцманом Российского флота и награжден.

Петр выходил в море на построенных на Архангельской верфи кораблях, доходил до Святого Носа, работал на верфи, а вскоре весь Архангельск провожал его к Савватию и Зосиме на богомолье. Вечером того же дня, в темноте, корабли подошли к Новодвинской крепости. Там на них нагрузили вооружение, продовольствие, боеприпасы, посадили солдат, и флот в составе тринадцати кораблей направился к Соловецким островам, а через несколько дней – в поморское село Нюхчу. Оттуда по болотам и топям крестьяне Беломорья, Олонецкой и Новгородской губернии протянули два фрегата в Повенец. Из Повенца фрегаты по воде прошли в Ладожское озеро и приняли участие во взятии крепости Нотебург.

Архангельск со дня основания стал крупным портом на Белом море. Здесь велась торговля рыбой, солью, салом морских зверей, пушниной. В 1702 году он становится центром всего северного края, а в 1707 году, в результате проведенной администрацией реформы, губернским городом. Все Беломорье, часть Карелии и Кольский полуостров вошли в состав Архангельской губернии.

По указу от 22 мая 1764 года была образована Олонецкая губерния, в результате чего часть побережья Белого моря отошла к вновь образованной губернии. В указе говорилось: «Пределы Олонецкого наместничества распространить до Белого моря, и по способности поморских Онежского уезда жителей причислить к Повенецкому округу, разделяя оный по причине его великого пространства на два округа, переименовав городок Кемский уездным городом». Такое территориальное деление просуществовало недолго: беломорские волости по своему укладу жизни больше тяготели к Архангельску, и в 1796 году весь Кемский уезд, в составе которого был Карельский и Поморский берега, отошел к Архангельской гу-

бернии. Такое административно-территориальное деление просуществовало до 1917 года.

В 1781 году в Архангельске открылось первое в России мореходное училище по подготовке судоводителей для плавания на Мурманский берег, Новую Землю, Шпицберген, в Норвегию. В 1842 году в Кеми начали действовать шкиперские курсы по подготовке судоводителей. В разработке программы для них принял участие адмирал И.Ф. Крузенштерн. На курсах изучали арифметику, геометрию, тригонометрию, астрономию, лоцию, закон божий, корабельную архитектуру, черчение, проходили морскую практику. Эти два учебных мореходных заведения дали северному морскому флоту немало квалифицированных моряков. В трудных условиях они проявили незаурядное мужество, становясь со временем опытными судоводителями. Выпускниками школы и курсов были многие мореходы, совершившие плавания по Северному морскому пути, принесшие славу русскому флоту.

Велика роль города Архангельска и в освоении Арктики. В течение нескольких столетий он служил базой для полярных экспедиций, от его причалов уходили в Арктику суда В. Чичагова, А. Сибирякова, Ф. Литке, П. Пахтусова, В. Русанова, Г. Седова. Архангельск провожал в путь многочисленные советские экспедиции по освоению Северного морского пути, морей Северного Ледовитого океана. Во всех арктических экспедициях участвовали поморы, выпускники старейшего училища, основанного в 1781 г.

Известные капитаны

В 1919 году Кемские шкиперские курсы окончил П.А. Пономарев, уроженец поморской деревни Нименьга. Шестнадцатилетним пареньком вступил он на палубу рыболовного парусника и с тех пор начался его морской стаж. Путь на капитанский мостик был очень труден, родители не могли платить за обучение сына. Учился он в Кеми, а летом зарабатывал на жизнь. Октябрь изменил жизнь поморов. Пономарев окончил Архангельское мореходное училище и стал помощником капитана на тральщике «Красный рыбак». В двадцатые годы на ледоколе «Ленин» он плавал в Сибирь за хлебом. За участие в спасении научной экспедиции итальянца Нобиле в 1928 году старший помощник капитана ледокола «Красин» П.А.

Пономарев был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Красинцы участвовали в поисках экспедиций Амундсена, в спасении туристского парохода «Монте Сервантес», вписали немало страниц в историю освоения Арктики. Будучи капитаном ледокола «Красин», Павел Акимович возглавил экспедицию по спасению Челюскинцев. Первый в мире атомоход «Ленин» тоже возглавил П.А. Пономарев. Большой вклад он внес в дело подготовки кадров арктического флота. По проложенной им дороге в ледовых морях плавают его ученики. Именем П.А. Пономарева назван ледокол, приписанный к Мурманскому пароходству. Не менее знаменит его брат, капитан дальнего плавания Иван Акимович Пономарев, Герой Социалистического Труда.

Еще один поморский капитан – Василий Иванович Воронин, уроженец Сумского посада. Начинал он морское дело, как и все поморы, зуйком, потом стал юнгой, впоследствии капитаном «Челюскина», провел его Северным морским путем за одну навигацию. Он же был первым капитаном-директором китобойной флотилии «Слава».

Уроженец Унежмы Иван Максимович Ульянов много лет отдал освоению морей Севера, долго и плодотворно работал на различных судах: рыболовных и транспортных. Когда возник траловый лов, он уехал из Унежмы, а свой добротный дом продал сельсовету под школу. Будучи капитаном мотобота «Мурманец» он принимал участие в спасении папанинцев и награжден орденом Ленина. И.М. Ульянов тоже окончил шкиперские курсы в Кеми.

Еще один знаменитый капитан и ученый – Александр Степанович Кучин из села Кушерека. В 1909 году с золотой медалью он окончил Архангельскую мореходку. После окончания училища Кучин мечтал стать ученым, занимался океанографией и вскоре уехал в Норвегию. В Бергене он работал на биологической станции профессора Хансена, был одним из лучших учеников. Там он познакомился со знаменитым полярным исследователем Фритъофом Нансенем, который рекомендовал его в полярную экспедицию Руаля Амундсена. Почти два года продолжалось плавание на «Фраме» по полярным морям, был собран громадный материал, который обработал Кучин. Труд русского моряка-океанографа получил высокую оценку в научных кругах. Зимой 1912 года А.С. Кучин вернулся в Россию. Летом 1912 года Кучин принял командование судном

«Геркулес», побывал на Шпицбергене в составе научной полярной экспедиции русского ученого В.А. Русанова. Члены экспедиции собрали большой научный материал по зоологии, географии, палеонтологии, полезным ископаемым. В конце августа «Геркулес» побывал в становище Маточкин Шар, откуда Русанов отправил последнее сообщение в Петербург. Он передал, что отважные полярники решили совершить сквозное плавание по Северному морскому пути к Берингову проливу.

Многолетние поиски пропавшей экспедиции ничего не дали. Только в 1934–1937 годах гидрографы разыскали остатки «Геркулеса» и личные вещи экипажа Русанова на западном побережье Таймыра. Поморы, из которых состоял экипаж корабля, погибли, верные своему долгу. Жизнь капитана Александра Степановича Кучина оборвалась в расцвете творческих сил, на двадцать пятом году жизни.

Рыболовство в Беломорье началось задолго до появления русских. Им издавна занимались саамы и карелы. Весной и летом рыбу ловили преимущественно у морских берегов, в заливах и устьях рек, а осенью в озерах. Ловили рыбу на костяные крючки, кололи острогой. Самым древним видом промысла был семужный, ловили ее в основном во время нереста, в реках и речках.



Древний
Промысел
Рыбы



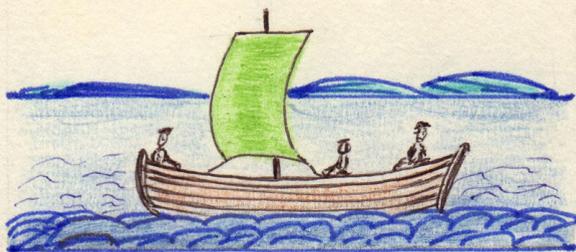
Охота за тюленями – одно из древнейших занятий населения Беломорья. Промысел этот начинался ранней весной, но готовились к нему задолго до наступления весны. Еще только начинал прибывать день, еще всюю трещали морозы, а женщины уже запасали хлеб, мужчины чинили зверобойную амуницию, проверяли снаряжение: исправны ли багры, хороши ли бахилы, прочны ли лямки для вытаскивания тюленьих туш. На тюлений промысел ходили многие крестьяне Беломорья, но особенно те, которые жили на Терском, Летнем и Зимнем берегах Белого моря.

Горло Белого моря... Еще недавно здесь было пустынно, а сейчас льды густо усеяны многочисленными черными точками, вокруг стоит невообразимый шум и рев. Это собрались чуть ли не со всего северного полушария на весеннюю лёжку гренландские тюлени. В Белое море они приплыли из других морей еще осенью. Здесь их родина. Под свист заполярной вьюги, под гром сталкивающихся ледяных полей появляются на свет крохотные беззащитные зверьки, неотличимые по цвету шкурки от белоснежного покрова льдины, на которой родились. Во всем мире есть еще два места, где рождается гренландский тюлень: у берегов Ньюфаундленда и около острова Ян Майен. Наше беломорское стадо – самое многочисленное, насчитывает несколько миллионов голов (это было в 40–50-х годах).

Тюлень – животное безобидное, у него один способ защиты от человека – бежать в воду. Но охота на него – дело рискованное. Часто приходили с промысла печальные известия: того затерло льдом, того унесло в море, тот пропал без вести. Опасности подстерегали зверобоев на каждом шагу, но главная из них – переход через тертуху – мелкий лед. Во время отлива и прилива течение в Белом море имеет огромную скорость, напоминая бурную реку, по которой мчится раздробленный лед. Это и есть тертуха, месиво из мелких и мельчайших обломков льда, гроза зверобоя. Чтобы попасть на льдину к тюленям, надо перейти тертуху. Жди, когда ветер нагонит лед и закроет полую воду, и тогда переходи. Развело лед – нельзя, иначе гибель. А удачливому тоже нелегко. Напромышляв зверя, надо выйти на берег да еще вытянуть на лямке тюленей. Хорошо, если опять сойдется лед, а если ветер переменится – и понесло в море, считай, верная гибель. Нынешние поморы о старом торо-совом промысле знают только понаслышке. Теперь охота на тюленей производится с помощью современной техники.

В далекие времена, до появления русских, да и тогда, когда они стали заселять Беломорье, промысел тюленей велся около берегов. Из шкур тюленей шили обувь, обтягивали ими лыжи для лучшего скольжения, сало использовали для хозяйственных нужд и освещения жилищ. Позднее, кроме семужьего и тюленьего, развились тресковый и сельдяной промыслы. Появившиеся в Беломорье русские крестьяне, в основном новгородцы, принесли с собой новые, более передовые орудия рыболовства: перегораживали большие реки заборами, применяли ставные сети, железные крючки, ловили рыбу поддевом и, наконец, использовали невода. Все это ускорило освоение прибрежных, а затем и глубинных районов Белого моря. Поморы стали плавать на острова, где было значительно больше рыбы. В середине XII века они доходили до южного берега Кольского полуострова, а к концу XII века плавали вдоль северного.

Поморы не довольствовались промыслом в Белом море, хотя тут тоже было много рыбы. Бывая на Мурмане, они заметили большие сезонные скопления рыбы. В определенные периоды к берегам подходили косяки мойвы, а вслед за ней – трески, пикши, палтуса, зубатки. Богатства Баренцева моря влекли поморов. Имея достаточно хорошие суда, рыболовные снасти и немалый опыт, приобретенный в Белом море, поморы сумели наладить лов трески



Видимо, в середине XII века, онежане и двиняне, достигли южного побережья Кольского полуострова, а к кон-



цу XII века плавали вдоль северного. Помимо поездок на Мурман поморы плавали на Новую Землю, Грумант, Обь.

и другой рыбы в открытом Баренцевом море на расстоянии 3–5, а в тихую погоду 15–20 верст от берега.

Зарождение морских рыбных промыслов на Мурмане относится ко второй четверти XVI века, когда здесь стали строиться промысловые станы поморов – избы, погреба. Первое время треску



промышляли только летом, после того, как очищалось ото льда Белое море. Рыбаки на суденышках приезжали на Мурман и занимались ловлей рыбы два-три месяца, а в августе-сентябре уезжали в свои села. Однако самым добычливым временем промысла была весна. Заметив, что в весенние месяцы, начиная с марта, скапливается больше рыбы, чем в летние, поморы стали уходить на промысел «сухопутьем», с расчетом, чтобы придти в становища накануне хода рыбы. Богатые рыбопромышленники стали посылать своих работников не дожидаясь открытия навигации, через Карелию и Кольский полуостров (Лапландию) на побережье Баренцева моря. Так на Мурмане возник весенний, или, как говорили в старину, «вешний» тресковый промысел.

Рыбаков, отправлявшихся на вешний промысел, называли «вешняками». Это название сохранилось до наших дней. Большую роль в его зарождении сыграли поморы, основавшие в устье реки Колы постоянное селение и одними из первых освоившие лов трески на северном побережье полуострова Мотка, позднее получивше-

го название Рыбачий. Уходили вешняки из дома в разгар зимы, когда бушуют вьюги, свирепствуют холода, а возвращались в конце августа, а то и в сентябре. До становищ добирались кто как мог: на лыжах, лошадях, пешком, на оленях. Но чаще всего на лыжах или пешком, так как плата за проезд на лошадях и оленях была очень высокой. Каждый год с наступлением весны знаменитая мурманская дорожка оживала, по ней шли и ехали поморы добывать хлеб насыщенный – кормилицу-треску.

Сухопутный путь на Мурман был большой и трудный, не легче, чем на карбасе по морю. Для каждого вешняка он начинался от своего дома и шел через Сороку, Кемь, Кандалакшу, Колу. В пути редко попадалось жильё – на севере деревни и села располагаются на расстоянии 20-30 км друг от друга. Особенно трудным был путь по Лапландии (Кольский полуостров), где жилья почти не было, за исключением саамских стоянок. Часто случалось, что во время пурги и морозов вешняки замерзали в белой пустыне севера.

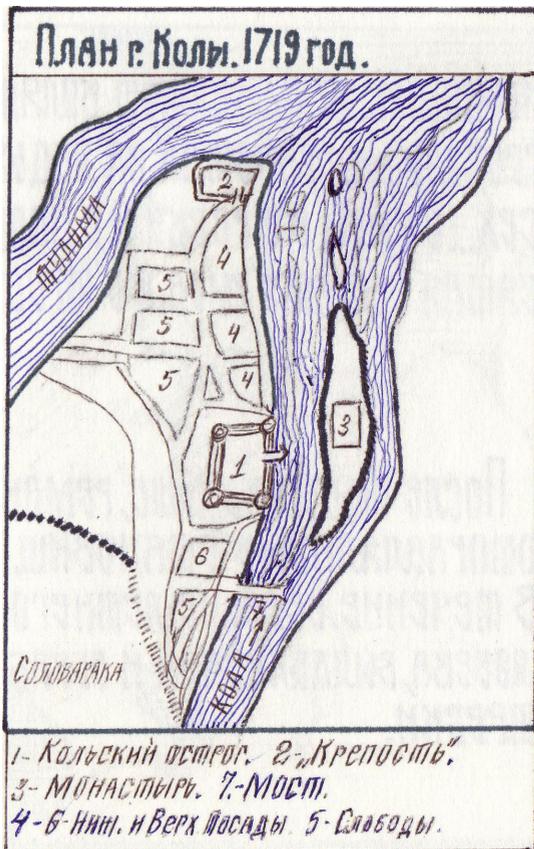
В 80-х годах XVI века, в связи с постройкой военного укрепления и открытием воеводского управления в Коле, правительство России учредило «ямскую гоньбу» (езда с остановками) из Архангельска до Кольского острога. Был составлен «подорожник» – рос-



пись станций, через которые шло сообщение, с указанием расстояния между ними и краткими пояснениями особенностей передвижения на отдельных участках. Вдоль берега Белого моря был проложен тракт (дорога): построены мосты через речки и ручьи, прокопаны каналы для отвода воды, в лесу сделаны просеки и дороги. По тракту шло оживленное сообщение, особенно зимой: возили почту, распоряжения, ездили чиновники. Крестьяне на юг везли рыбу и соль, с юга хлеб и другие продукты питания. По этому тракту шли и ехали вешняки. Позднее на дорожных станциях были построены казенные избы для отдыха проезжающих, стали содержать лошадей, казаков для обслуживания почтовой связи. Крестьяне за особую плату содержали дорожные станции и обеспечивали перевозку почты, казенных грузов и лиц, ездивших по делам службы. Правом бесплатного проезда пользовались чиновники и лица, исполнявшие служебные поручения. Им выдавались «свидетельства» на право получения почтовых лошадей. Содержание тракта было поручено местным властям. Крестьяне Беломорья должны были отрабатывать дорожную повинность: чинить мосты, ставить вехи, расчищать просеки, ежегодно обозначать зимники (санные дороги), по которым проходил тракт. Первое время, когда не было дорожных станций (специальных «казенных домов»), крестьяне отбывали извозщицью повинность, то есть «ямскую гоньбу» по очереди, подворно. Тракт несколько облегчил положение вешняков. Теперь была дорога с вешками, или верстовыми столбами, на постоялом дворе можно было отдохнуть, отогреться, восстановить силы, напиток чаю.

В середине марта на Колу начинали прибывать первые партии крестьян-покрученников, шедших на Мурманские промыслы из онежского и карельского Поморья. С появлением «мурманщиков» Кола принимала вид переселенческого лагеря. Пришедшие размещались не только в домах, но и в банях, пустых амбарах и сараях. В разных местах горели костры, на которых варили уху, а то и просто рыбную похлебку. На улицах толпились и шумели люди, шла бойкая торговля. Кабатчики продавали водку, словоохотливые колянки предлагали ржаные шаньги, житники (ячменные караваи), пироги с рыбой и другие изделия домашней кухни.

Вот что сообщает о вешнях писцовая книга Кольского острога за 1574 год: «В Кольский же острог приходят на удьбу двиняне и кореляне и поморских волостей люди, да ловят на мурман-



ском берегу треску и палтус и ахкулы, и меняют ту рыбу с немцы на товар, и с тех казаков перед сего имели Кольского острогу таможенные целовальники явки (сбор за приход на промыслы) по две деньги с человека». А вот еще одна запись: «С рыбы с трески и с палтуса идет в государеву казну десятая большая рыба, а с трескина сала десятина».

Расплатившись с целовальниками и справив кто как мог Благовещение (весенний религиозный праздник), «мурманщики» шли в свои становища. Обесиленные и измученные дальним путем,

рыбаки очищали стан (избушку) от снега, льда, ремонтировали печь, приводили в порядок рыболовную снасть. Постоянного жилья в то время на Мурмане не было: жили рыбаки в тесных, наспех сколоченных из плавника избушках (станах), пригодных для теплого времени года – весны и лета.

С каждым годом мурманские промыслы приобретали все большее значение в экономической жизни Севера. На них стали съезжаться жители многих сел Беломорья, но более всего те, кто живет на западном берегу Белого моря. С «полой» водой на Мурман отправлялись целые флотилии карбасов, шняк, а то и просто лодок. Плыли они вдоль берегов, минуя мели, подводные камни, песчаные наносы, под парусами и на веслах к заветным становищам, на из-

любленные места промысла. В становищах собирались мужественные, наиболее отважные, просмоленные в морских походах рыбаки, повидавшие штормы и бури – северорусская поморская вольница. Здесь же получали суровую закалку будущие мореходы – зуйки, молодое поколение рыбаков.

В 1608 году на Мурманском берегу была проведена перепись промысловых изб. К западу от Кольского залива, в «Мурманском конце» было учтено 20 становищ, в которых имелась 121 изба, к востоку от Кольского залива, в «Русской стороне» – 30 становищ с 75 избами. Наиболее крупные становища находились в районе восточного промысла, на восточном побережье были небольшие.



На «Мурманском» море во второй половине XVI века русские, карелы и саамы вели в довольно значительных размерах лов трески, которую вялили и сбывали норвежцам и голландцам. К концу XVI века они заготавливали сухой и соленой трески до 100-120 тысяч пудов в год, из печени трески вытапливали около 10 тысяч пудов жира.

С возникновением мурманских промыслов связано формирование группы поморов. Оно происходило в XV–XVIII веках, когда усилился спрос на различные «дары моря», существовавший в

высоких, а позднее и в широких слоях русского земледельческого населения. Особенности поморской группы на раннем этапе обуславливались в первую очередь географическим фактором, то есть необходимостью приспособливаться к условиям жизни на морском побережье, в условиях Приполярья и Заполярья, составляющем непрерывную полосу протяженностью свыше 1500 км.

Происхождение названия «поморы»

Давно и много пишут о поморах. Но откуда и когда пошло имя поморское? Постараюсь ответить на этот вопрос.

Название «помор», «поморец» на русском Севере, по имеющимся данным, впервые появилось в письменных источниках под 1526 годом, когда «поморцы с моря Окияна из Кондолакской губы просили вместе с лоплянами устройства церкви». С этого времени названия «поморцы», «поморский», «Поморье» постоянно фигурирует в актовых памятниках и сохранившихся писцовых книгах XVI–XVIII вв., причем последние два наименования встречаются гораздо чаще, чем первое. Как название, его употребляют правительственные грамоты 1546–1556 гг. «...Что де Каргопольцы, и Онежане, и Турчасовцы, и Порожане, и Усть-Мошане... ездили к морю соли купити, да купив де у моря соль у поморцев да взять ее в Турчасово». А вот выдержка еще из одной грамоты: «А нашим боярам новгородским и двинским в Усть Колские волости приказным и всяким поморским людям и корельским детям и лопарям... в тое их вотчины (Троицко-Печенского монастыря)... не вступатися». Из первого текста можно вывести, что имеются в виду жители Поморского берега, где действовали многочисленные варницы. Во втором случае – занимавшиеся морскими промыслами на западном берегу Кольского полуострова, в районе Кольской губы.

В официальных документах слово «помор» употребляется в XVI веке как самоназвание и как название. В качестве самоназвания им пользовались жители волостей Кандалакши и Керети: в составлении разных грамот в 1580-1581 годах подписывались «поморец кандалакшанин», «поморец Керецкой волости». Кроме Кандалакши и Керети «поморскими волостями» назывались Шуньгская волость – 1549 год, Кола и Ковда, Порья Губа – 1556 год, Умба – 1557 год, Кереть – 1581 год, Кемь, Сума, Варзуга и «иные поморские волос-

ти» Соловецкого монастыря, то есть волости, которые уже были во владении монастыря к концу XVI века (Шуя, Сухой Наволок, Шижма, Вирма, Колежма, Нюхча, Унежма) – 1591 год. В писцовых книгах 1574–1608 года проводится перепись становищ (изб) и их владельцев, промышлявших на западном и восточном побережьях Кольского полуострова, среди них, как я уже писал, «поморских волостей люди» промышляли.

В дальнейшем, в течение XVII века, содержание понятия «помор», «поморская волость» на местах, а тем более в представлении официальных властей прочно закрепляется. Уже в конце XVI века поморами стали называть всех участвующих в Мурманских промыслах, а волости поморскими. Во второй половине XVI – первой половине XVII вв. поморские волости Терского, Кандалакшского и Поморского берегов вместе с Колой представляли определенную хозяйственную область, основой экономического развития которой были морские рыбные промыслы на побережье Кольского полуострова. В дальнейшем поморами стали называть население Онежского, Летнего, Зимнего берегов, принимавших участие в восточном секторе мурманских промыслов, когда начали хиреть тресковые промыслы на западном Мурмане.

Ко второй половине – концу XVII в. относится развитие восточных мурманских промыслов, в которых было занято в основном население Поморского, южной части Карельского, Летнего, Зимнего берегов и низовьев Северной Двины до Холмогор. Все население этих мест, занятое промыслами, называли «поморами». Отсюда ясно, что возникновение слова «помор» связано с мурманскими промыслами. Письменные источники местного северного происхождения второй половины XVIII и XIX вв. свидетельствуют о том, что поморами считали себя жители Поморского берега от Онеги до Кеми включительно, некоторых сел Карельского берега, части сел Летнего и Зимнего берегов.

Исконно ведущая роль в мурманских промыслах населения сел от Онеги до Кеми и его выраженное самосознание, видимо, сказались и в названии этой территории – Поморский берег, Поморье, появляющемся в документах в начале XVIII в. Крестьяне других беломорских районов, хотя и не считали мурманские промыслы основным занятием, но в той или иной степени были приобщены к нему: нанимались в работники к хозяевам-судовладельцам.

Современные полевые наблюдения, проведенные группой Бернштам Т.А., показали, что жители деревень устья Северной Двины не называли себя поморами и отвечали: «Никогда и разговору нет», а считали таковыми население Летнего берега (Нёнокса, Лопшеньга, Сюзьма). А вот еще несколько высказываний по этому поводу: «С Кандалакши на Мурман не ходили. Те может себя тоже поморами зовут, а для нас это не поморы». «С Летнего берега не поморы, они картошку сеяли, хлебопашеством занимались». Жители кандалакшского берега говорят: «Мы губяне, не поморы. Поморы – те по морю живут, а мы в губе живем, и поэтому в Архангельске нас называют губянами». Жителей Терского берега кандалакшане называли «терчанами», «фоканами», «карелой» и «пеккой». Сильнее всего самосознание «помор» у жителей Поморского берега. Настоящими поморами они считают только себя, прочно связывая это название с мурманскими промыслами и слово «поморский» добавляют ко всем явлениям своей жизни и бытия: «поморский харч», «поморская справа», «поморский обычай», «поморские гости» и т.д. Истинными поморами признают население Поморского берега все жители остальных берегов Белого моря, присовокупляя при этом: «Поморы – это те, что на Мурмане ловят».

В одном из документов XVII в. о поморах сказано: «Люди поморские всякие промыслы на море сами промышляют и морской ход знают». Источники XVIII века еще более уточняют признак «поморов»: «Это население, живущее на море, занимающееся морскими промыслами в Белом море и в Ледовитом океане, и кормящееся морскими промыслами». Первоначально под Поморьем подразумевали: побережье Западного Мурмана, побережье восточного Мурмана Кольского полуострова, заселенную территорию беломорского побережья, приморские районы, включая Мезень, Кевролу, Пустозерск. В первой половине XVIII века термин «Поморье» получает еще более расширенное значение в большой степени благодаря трудам В.Н. Татищева, который в «Истории Российской» несколько раз употреблял слово «Поморье». Он дает два определения Поморья:

1. «Общее имя Поморие, а по уездам: Архангельской, Колмоград, Вага, Тотьма, Вологда, Каргополь, Чаронда и Олонец».
2. «Есть северная часть России, в которой все по берегу Белого моря и Северного моря от границы Карелии с финнами на вос-

ток до гор Великого пояса или Урала заключается. К югу же издревле русские поначалу часть по части овладевали и к Руси приобсчали. Ныне же все оное и есче с немалою прибавкой под властью Поморской губернии состоит».

Такое же понятие Поморью дано в Географическом словаре Российского государства за 1804 год. Со второй половины XVIII века название «Поморье» начинает появляться на страницах различных документов в трех значениях:

1. Территория беломорского побережья от Онеги до Кеми;
2. Территория всего беломорского побережья;
3. Территория всего русского Севера, включая Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии.

Первые два значения «Поморья» дают представление о территории расселения поморского населения, третье значение не имеет никакого отношения к территориальным границам расселения «поморов» – им пользовались, в основном, в научной литературе XIX – начала XX веков. В настоящее время он заменился названием русский Север.

Начиная с XVIII века, в большой степени благодаря выдающейся личности М.В. Ломоносова и его научным трудам, поморы постоянно привлекали внимание русского общества. В результате многочисленных описаний путешествий по северу России, специальных трудов и статей по хозяйству, культуре и быту жителей приморских районов, у русской общественности сложилось представление о поморах как об особом типе русского человека, обладающем особыми чертами характера – предприимчивостью, смелостью, умом, независимостью в делах и суждениях.

Типы поселений

Типы поселений, возникшие в период формирования поморской территории, можно установить на основании различного рода исторических документов. Наиболее распространенными в Поморье были сельские типы поселений – погост, починок, волостка, деревня. Наряду с сельскими поселениями, на ранних этапах заселения возникали и так называемые промежуточные типы поселений – посад, слобода. Формирование крупных посадов Летнего берега – Нёноксы, Уны, Луды, образовавшихся в XIII–XIV вв., цен-

тров соляных промыслов и торговли солью с северными и центральными районами Русского государства происходило на базе так называемых «усолий» – небольших поселений, жители которых занимались добычей и вываркой соли. Термин «усолье» сосуществовал с названием «посад» еще в XVII веке – Нёноксоцкое усолье, Унское усолье и т.п. Возможно, что возникновение «посады» в Поморье было в первую очередь связано с соляным промыслом: соль являлась в те времена важнейшим продуктом торговли и обмена на хлеб, и добыча соли способствовала превращению поселения в торговый пункт типа посады. Это предположение основано на том, что название «посад» применительно к населенному пункту на Севере встречается в документах, как правило, в тех случаях, когда речь идет о соляном промысле: «В Двинском уезде на Колуйском посаде Савинского Починка деревнею да под тою же деревнею озерко с варничными месты и з дровлеными кладбищи».

В Поморье эта связь прослеживается еще более четко. Из полевых материалов Т.А. Бернштам известно, что «посад» в качестве названия одного из «концов» (частей) селения существовал почти во всех селах и деревнях Поморского берега от Онеги до Кеми (Нименьга, Кушерека, Малошуйка, Нюхча), в деревне Пурнема на Онежском берегу, в селе Гридино на Карельском берегу, именно в тех местах, где в течение XV–XVII веков возникали многочисленные соляные варницы. При этом «посадою» называлась та часть селения, на территории которой до сих пор видны следы варничных ям. В селе Гридино один «конец» так и называется – Варница, в Унежме – Варничная варака, у подножия которой было несколько варниц.

В дальнейшем, в конце XVIII – начале XIX вв., в качестве названий населенных пунктов Поморья чаще всего употребляются «волость», «деревня», а в середине XIX века по данным «приходских списков» и «списков населенных мест» значатся следующие поселения: город, посады, село, деревня, погост с деревнями, выселок, скит.

Реформы XIX века произвели некоторые изменения административного характера: были учреждены новые города и посады. Территория Поморья была разбита на 23 волости. По численности населения Поморский берег был самым значительным, его населе-

ние превышало население каждого из других берегов в отдельности. Вот статистика населения:

1858 г. – Поморский берег – 12,8 тыс.чел.

по всем берегам – 29,1 тыс.чел.

1926 г. – Поморский берег – 33,0 тыс.чел.

по всем берегам – 79,7 тыс.чел.

После статистики населения хочется еще раз вернуться к судостроению и привести некоторые данные. Известно, что с развитием морских и речных промыслов теснейшим образом связана история поморского судостроения, без которого была бы немислима система хозяйства. Все беломорские берега из поколения в поколение имели своих мастеров и центры судостроения, хотя каждый житель-мужчина мог своими руками построить лодку, карбас или шняку. По данным 1874 года количество судостроителей на всех беломорских берегах достигало 300 человек. Среди морских судов явное преимущество имели шняки, что было связано с мурманским тресковым промыслом, для которого они и строились. Промышленники Поморского берега, державшие в своих руках мурманские промыслы, владели 4/5 общего количества судов этого типа. На Поморском берегу судостроением занимались на всех крупных реках, но главными были Вачевская (села Кушерека, Унежма, Малошуйка, Нименьга, Ворзогоры) и Сорокская (Выгостров, Шуя, Колежма) волости. Славилась искусством судостроения мастера-карелы из села Подужемье около Кеми. По данным 1874 года на Поморском берегу ежегодно строилось 281 морское судно и 880 речных, т.е. больше половины построенных во всем Беломорье. В том же году было построено 538 морских судов по всем берегам.

Рыболовная страда

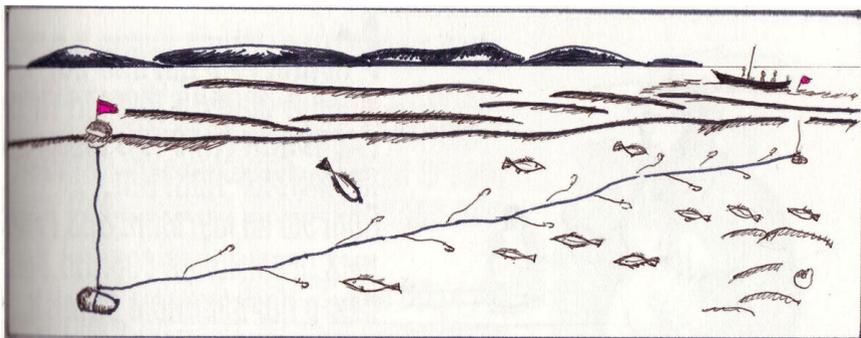
Как только подходила рыба к берегу, начиналась страда. Трудились без отдыха и сна. На одной посудине – карбасе или шняке – четыре человека: кормщик, тяглец, весельщик и наживляльщик. Четыре человека – как одна семья, у всех одна цель, одна задача. Все подчинялись кормщику. О нем и поговорка была: «На корабле кормщик – и царь, и бог». Кроме четырех ловцов, брали «зуйка», обычно мальчика 9-10 лет, который распутывал снасть, варил уху, мыл посуду, подметал пол.

Зуйк, или зуй-это птичка вроде чайки. Где ловят рыбу, где чистят ее, там кружатся зуйки. Зуйками называли в Поморье и мальчиков, едущих на Мурман в услужение.



Ловили на ярус. Ярус – это рыбацкая снасть вроде продольника: крепкая веревка, а к ней через 80–100 сантиметров на форшнях (более тонкая веревка) навязаны уды (большие крючки). Ярус состоял из тюков. Длина тюка – 180–200 метров. Полный ярус считался 20–30 тюков. Уды наживляли мойвой или песчанкой, а когда ее не было – морским червем-пескожилком. Мелкую рыбу – мойву и песчанку – обычно ловили в прибрежных водах, на отмелях и в заливах «мойвенным неводом» с мелкой ячеей. Насаживать приманку (наживлять мойву) на крючки – дело, требующее большой ловкости. Эту работу выполняли мальчишки-зуйки и наживляльщики.

Все, кто приготовил ярус (наживил и сложил в шняк), вечером или рано утром отправлялись в океан на беспалубных суденышках – карбасах и шняках. В летнее время Баренцево море бывает так успокоится, что все вокруг становится прозрачным и легким: и вода, и берег, и птицы. Кажется, что все это залито прозрачной и



легкой массой. «Море стеклеет», – говорят поморы. Бывает это чаще вечером, солнечной ночью. В эти тихие часы из глубины стеклянных вод одна за другой высовываются кроткие головы тюленей, сверкнет серебряная спина акулы, появится черное туловище касатки, запрыгают сельди, а сверху, со скал, посыплется на них белые чайки. Небо светлое, как днем, берег уходит все дальше и дальше, оседая. Карбасы и шняки идут за десять-двадцать верст так, чтобы не виден был берег. И вот достигнуто заветное место. Якорь опускается на дно моря, а за ним ярус с кубасами, деревянными поплавками. Поплавки остаются на поверхности моря и показывают, где выметана снасть. Лодка идет вперед, а крючки с наживкой один за другим уходят в море, на дно их тянет груз. На середине выметанного яруса ставился еще один кубас – середняк, а за ним последний – голоменный, и якорь. Поставив ярус, команда лежит на ярусе шесть часов – время от начала прилива до отлива, а в это время подошедшая рыба жадно набрасывается на приманку, заглатывая мойву вместе с удами. «Вылежав воду», начинали тянуть ярус, выбирали бечеву до голоменного якоря, а потом снасть. Чем ближе подходит ярус, тем сильнее бурлит вода около лодки, дергается снасть.

– Море кипит, рыбу сулит! – радуется кормщик.

– Подходи тресочка-матушка, палтус-батюшка! – говорят рыбаки.

Подходят крючки, на них большие серебристые рыбы. Тягалец тянет ярус, весельщик подвигает лодку (гребет) вдоль яруса, наживочник выбирает ярус и отбивает рыбу от уд. Рыба разная: треска, палтус, зубатка, но больше треска.

– Треска идет, треску ведет! – радуются рыбаки.

– Дай, Господи, нос да корму, середину полную! – отвечает кормщик.

– Треска идет, треску ведет! – без умолку раздаются веселые голоса.

И вот ярус выбран, теперь домой, в становище. А там уха по балкам, чай, сказки, бывальщины о храбрости и отваге, а то и просто рассказ из жизни вольницы поморской.

Случалось, седое Баренцево море вдруг забушует, поднимется ветер, начнет стегать волна, опрокинет суденышко. Пропали труды рыбацкие, прощай снасть и улов. Самим бы спастись! Вол-

ной и ветром перевернет посудину. Хорошо, если ухватишься крепко, удержишься, отсидишься, наглотаешься соленой воды, намолишься всем богам и святым. Подобный случай рассказывал мне бывалый помор: «Захлестнуло волной шняку и опрокинуло килем вверх. А на шняке были отец-старик с двумя сыновьями, да весельщик. Ветер был с моря, посудину стало прибивать к берегу. До берега оставалось рукой подать, саженой сто, когда младший сын не выдержал: «Гошно, тато!» – и как топор ко дну. Утонул. Выбрались отец, сын и весельщик. В том же году старший сын погиб. По дороге в Норвегию его закидало взводнем. Отец все ждал, ходил на глядень смотреть, скоро ли появится сынок. Потом, когда узнал, что сын погиб, волосы на голове рвал».

Были среди рыбаков и такие, кому «море по колено». «Нажить, либо дома не быть!» – и пьяные, несмотря на уговоры, выезжали в бурное море. Все вроде хорошо, ветер стих, но взводень еще не улегся. Шняка со смельчаками идет в море, а около нее белые гребешки. Чем дальше в море, тем больше гребешков. На глядне собрались рыбаки, оставшиеся на берегу.

– Пропадут! – говорят одни.

– Не пропадут! – говорят другие.

– Пропадут, сейчас пропадут, потому что взводень рассыпается. Трезвый всегда убежит от взводня, а пьяный нет, – говорят бывалые поморы.

– Конец?!

– Нет, из этой волны выйдут, а вот той накроет!

– Вот!

– Шабаш! – и ничего, ни лодки, ни людей.

Опытные, бывалые рыбаки в такую погоду не выходили в море, пережидали, когда уляжется взводень, успокоится море.

Кроме ярусного лова рыбы был другой, более простой – поддевом. С лодки или шняки ко дну моря опускалась бечева с удами, возле которых привязывались куски цветной материи. На конце веревки имелся груз удлиненной, четырехгранной, круглой или другой формы, который тянул веревку с крючками на дно моря. На борту шняки имелось деревянное учебное колесо, через него пропускался второй конец веревки, за который дергали. При подергивании груз то опускался, то поднимался. Заметив приманку, рыба бросалась на нее. При таком лове рыбу часто захватывало крючка-

ми – «поддевало» за туловище, хвост, жабры. Во время массового подхода рыбы один опытный удильщик поддевом мог выловить за сутки до 15 пудов трески. Преимущество этого лова состоит в том, что тут не нужна снасть, наживка. Удильщик в случае шторма не рисковал снастью, мог заранее уйти в безопасное место. Лов трески поддевом производился в основном в весенние месяцы, во время неустойчивой погоды, при отсутствии наживки. За весенние месяцы артель из четырех человек вылавливала ярусным способом и на поддев около 700 пудов трески, а в удачливые годы – до 2000 пудов. От успеха весеннего промысла зависело благосостояние рыбаков и, понимая это, они работали с наибольшим напряжением.

Русские в Норвегии

Не только Западный и Восточный Мурман были объектами промыслов поморов на Баренцевом море. Рыбаки Беломорья с давних времен и до конца XVIII века плавали ловить треску за Нордкап. Сохранились интересные данные о промыслах русских рыбаков на Финмаркене. В донесении губернатора Финмаркена за 1775 г. говорится, что русские приходят в становища этой провинции на летний промысел, но часть их зимует, строит дома. Только за последние два года, говорится в донесении, русские построили в Серене 13 домов. Губернатор сообщал также, что русских промысловых судов приходило 244, а промышленников на них было около тысячи человек, не считая палубных судов, на которых выловленная рыба увозилась домой. В том же документе указывается, что «русские, без сомнения, выловили больше, чем все подданные его величества датского короля», то есть норвежцы (в то время Норвегия входила в состав Датского королевства). Можно считать, что в этом сообщении не было преувеличения – количество мурманских и беломорских рыбаков достигало в конце XVIII века 1300 человек и более, а все норвежское население Финмаркена составляло 300 человек.

Рыбаки Беломорья завоевали у населения Финмаркена большой авторитет. В 1782 году губернатор Финмаркена писал: «Я хотел бы поселить у себя колонию русских. Она, без сомненья, принесла бы большую пользу нам, потому что русские научили бы наших людей быть трезвыми, прилежными, бойкими и расчетливы-

ми, обладать достоинствами, знакомыми нашим жителям понаслышке». В 1798 году, когда русским рыбакам было запрещено ловить рыбу в норвежских водах, губернатор Финмаркена пытался добиться отмены этого постановления и писал датскому правительству, что русские промышленники не только желанные гости, снабжавшие весь край продуктами первой необходимости, но и признанные учителя местного населения в рыболовстве и мореходстве.

В память о наших рыбаках тут осталось много русских названий, о чем свидетельствует в путевых заметках М. Пришвин, посетивший эти места в начале XX века: «К своему удивлению узнаю, что Китай находится здесь, у Нордкапа, Питер тоже, Шестопалиха близко, есть Танин фиорд, Васин фиорд». Все это русские названия в Норвегии, все это места, где русские ловили рыбу и обменивались с норвежцами товарами. Есть мыс «Северный Тонкой». Раньше русские промышленники, отправляясь на Грумант, здесь сворачивали в океан. Про эти места сложили они песню:

Прощай, Северный Тонкой,
Не бывать скоро домой.

Побывавший на Мурмане в 1771–1772 годах академик Лепехин писал: «Морские их промыслы отменны: многие соединены с великою отвагою... В шняках, шитых вицею, коляне и другие тресковые промышленники пускаются верст за 30 от берега в открытый океан, не боясь никакой погоды!»

Промокшие и грязные, усталые и голодные, рыбаки приходили в стан, снимали с себя сырую испачканную одежду, развешивали для просушки, ели вареную треску, и пока зуйки перебирали и наживляли ярус, недолго спали, а затем снова отправлялись в море.

Тяжел и опасен был труд рыбаков на Мурмане. Погода была обычно неустойчивая: то ярко светило солнце, то шел морозящий дождь, то дул холодный пронизывающий ветер, нередко переходящий в шторм, который мог застигнуть промышленников далеко от берега, и если рыбаки не успевали снять ярус и вернуться в становище, им грозила беда – утрата снасти, гибель судна.



Тяжел и опасен был труд рыбаков. Погода часто была неустойчива: то шел морозящий дождь, то дул холодный пронизывающий ветер, нередко переходящий в шторм. Во время штормов гибли суда, тонули промысловики. Поэтому-то в Поморье всегда было много вдов, сирот, бедноты. Бабы царство² так говорили о Поморье.

В сентябре 1894 года во время штормов на Белом море погибло 25 поморских судов, многие промысловики потонули, а семьи остались без средств к существованию. Заболевания на промысле были обычным явлением: простуда, переутомление, антисанитарная обстановка способствовали возникновению гриппа, цинги, других болезней. От укулов и ушибов руки рыбаков были постоянно в ссадинах и язвах. На промыслах никакой медицинской помощи не оказывалось.

Промысел рыбы требовал значительных денежных средств: на постройку судна, покупку соли, тары, рыболовных снастей, спецодежды, продовольствия. Пойти на промысел со всем этим было под силу зажиточным поморам. Рыбаки среднего достатка объединялись и вели лов вскладчину, арендовали судно или снасть у богачей. Они полностью зависели от щедрости и капризов морской стихии и никогда не знали, что ждет их впереди: богатая добыча или жизнь впроголодь. Еще более жестоким, чем стихия, был купец-хозяин, который владел посудиною и снаряжением. Невелик корабль – беспалубное суденышко, карбас, шняка или ёла – но нет ее у рыбака. Вот и идет он к хозяину с поклоном: «Сделай милость, возьми на промысел!»

Покрут

В Поморье с давних времен сложилась особая форма привлечения рабочей силы на промысел – покрут. Покрут – от слова «покрута». Покрута в землях Великого Новгорода в XIV–XV веках обозначала ссуду, которую выдавал землевладелец бедному крестьянину: деньгами, хлебом или орудиями производства. Получив такую ссуду, крестьянин попадал в зависимость к богачу. Покрут на рыбных промыслах возник вместе с появлением их. «Покрутил Истому на Мурманское, дал две гривны», – записал в расходной книге монах Николо-Карельского монастыря 1 октября 1551 года.

Всю жизнь находились в кабале рыбаки Беломорья. Еще с осени владельцы судов нанимали бедноту в работники, давая им деньги и продукты под обязательство отработать долг на промысле. Являясь должником нанимателя, покрученник вынужден был отдавать ему свою долю улова по самой низкой цене, а продукты брать по самой дорогой. Цены на продукты устанавливал сам хозяин. Сколько бы покрученник ни работал, как бы не велик был улов, все равно он не мог вырваться из кабалы. В течение 5–6 месяцев тяжелого промыслового труда покрученник зарабатывал около 50 рублей, а в лучшие годы – до 75 рублей.



После промысла, расплатившись с долгами, бедняк оставался таким же нищим, как и был, и опять шел к богачу на покрут. Так и жил покрученник – пожизненным батраком. Отмечая кабальную жизнь рыбацкой гольтыбы, В.И. Ленин писал: «На мурманском берегу исконной и поистине освященной веками формой экономических отношений был «покрут», который вполне сложился уже в XVII в. и почти не изменился до самого последнего времени».

В начале XVIII века на Мурман собиралось до двух тысяч промысловиков, большинство были покрученники с побережья Белого моря, и до 300–400 зуйков.

После падения феодальных порядков, на Мурмане все еще преобладала дореформенная система производственных отношений – покрут. Покрут сохранил свои основные черты: привлечение рабочей силы путем предварительного экономического закабаления, определение размера заработка долей улова, который зависел не только от затрат труда, но и в огромной степени от промысловой обстановки и ряда других непредвиденных причин (потеря снасти, болезнь одного из членов артели и т.п.) Но развитие капитализма подготовило условия, при которых покрут в конце XIX века стал быстро разлагаться. Возникновение колоний и факторий, установление пароходного сообщения вдоль побережья Белого и Баренцева морей, развитие лесопильной промышленности, проникновение на Мурман скупщиков из центральной России подорвали устои, на которых веками держался покрут. Покрученники, находившиеся в худшем положении, чем вольнонаемные рабочие, стремились избавиться от кабалы – стать свободными и уйти в артель. Пока не было пароходного сообщения, никто из покрученников не мог уйти от хозяина: уехать на Мурман не на чем, в становище на работу никто не возьмет. Волей-неволей приходилось работать на кредитора и мириться с условиями труда и быта.

К концу XIX века положение изменилось. Покрученники стали убегать от хозяев, отказываться от выплаты долгов, уходить к нанимателям, которые платили больше. Некоторые из покрученников, сговорившись между собой, создавали артели, пользуясь правительственными ссудами, или арендовали у фактористов и колонистов снасти и посудину. «Покрут с каждым годом слабеет, так как с учреждением правильного пароходства и с развитием экономической жизни на Мурмане, промышленники получили возмож-

ность приобретать, хотя бы в долг, суда, снасти, продовольственные припасы и прочее на месте, а добычу продавать тотчас же после улова тем же торговцам, которые устроили на Мурмане склады, лавки и присылают на Мурман суда для нагрузки и посолки рыбы, скупаемой непосредственно у промышленников по возвращении с моря», – писал в 1897 году Архангельский губернатор А.П. Энгельгардт.

Доля артельщиков – «самостоятельных ловцов» – постоянно увеличивалась, в 1894 году она составляла примерно 20%. Развитие «самостоятельного» промысла поощрялось скупщиками. Они давали ссуды на приобретение орудий лова, чтобы обеспечить себе постоянных поставщиков рыбы. В конце XIX века большинство промысловиков стало прибывать на лов рыбы на пароходах сразу же после открытия навигации на Белом море. Ввиду того, что промысловая обстановка в основном районе весеннего промысла – у Цыпнаволока и Вайдагубы – совершенно ухудшилась, хозяева не стали снаряжать покрученников и отправлять на Мурман в марте месяце. Это окончательно подорвало покрут.

В 1899 году на Мурманских рыбных промыслах было занято 4070 рабочих. Из 4070 человек более половины, т.е. 2040, составляли вольнонаемные рабочие, которые за свой труд получали сдельную или повременную оплату. Остальные промысловики рыбачили самостоятельно.

Бедные поморы все реже гнули спину и угождали прихотям сельских богачей. Покрученники демонстративно называли себя «вольными казаками» и зачастую не повиновались хозяину. На смену забитому и покорному покрученнику шел вольнонаемный рабочий, который не мирился с телесными наказаниями, не хотел унижаться и раболепствовать перед богатеями. Явление это было «безусловно прогрессивное». «Капитализм нес с собой, наряду с многими мрачными сторонами, раскрепощение личности, подвижность трудового населения, отмирание традиций патриархального быта и повышение уровня потребностей и развития работника» – писал В.И. Ленин.

Научное изучение Поморья

Обострение политических отношений с северо-западными соседями в конце XVI и начале XVII века потребовало более точно-

го знания обстановки в Беломорье и на Кольском полуострове. На протяжении XVI века Московское правительство несколько раз проводило переписи податного населения. Составление переписных книг не преследовало целей научного познания страны. Писцовые книги имели чисто прикладное назначение – они служили официальным документом для сбора подворной подати и пошлин с населения. В 1718 году Петр I повелел учитывать впредь не дворы, а «души», т.е. лиц мужского пола.

В XVIII веке для лиц высшей администрации с целью более глубокого ознакомления с подведомственными территориями стали составлять «описания» и «обозрения» тех или иных местностей, в том числе и Архангельской губернии, которые были выполнены впервые по заданию правительства в 1785 году. Описание 1785 года содержало подробные сведения о всех населенных пунктах края, занятиях людей – земледелии, скотоводстве, промыслах, ремеслах, судостроении, торговле; обширные этнографические данные – о домашнем быте, одежде, обуви, жилищах, грамотности, лечении болезней; материал географического характера – о реках, озерах, климате, полезных ископаемых, путях сообщения; явлениях природы – северных сияниях, наводнениях.

В конце XVIII – начале XIX веков местные чиновники и краеведы собрали необходимый материал для нового описания Архангельской губернии, которое было завершено в 1802 году Антоном Пошманом и называлось «Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, историческом и нравственном обозрении». Это описание богато иллюстрировано рисунками зданий, портов, судов, хозяйственных занятий, оно имело большое количество таблиц, карт, планов, ведомостей и прочих приложений. Это рукописное сочинение использовалось в сфере государственных учреждений как справочное пособие.

Впервые на географическую карту России русское Поморье было нанесено в XVI веке при царе Иване Грозном. Картами постоянно пользовались, и к концу XVIII века многие из первых карт истерлись и оборвались. В 1627 году была создана огромная карта Российского государства – «Большой чертеж», которая, как и предшествующие, до нас не дошла.

Появление в России военно-морского флота и развитие торгового мореплавания в первой четверти XVIII века потребовало

создания лоций – описаний морей и побережий. Поморские народные лоции составлялись «с виду», на глаз, без инструментальной съемки и без обозначения глубин и других данных, необходимых для безопасного мореплавания. Обычно на контурном изображении морского побережья указывались приметные знаки – скалы, мысы, кресты, острова, по которым можно было определить местонахождение судна. В лучшем случае отмечались луды – подводные камни и отмели, удобные стоянки-укрытия, опасные течения, сведения о ледовой обстановке. В 1701 году появилась «Размерная карта Белого моря». В период Северной войны, 1700–1721 гг., русские инженеры изготовили несколько чертежей-карт Белого и Баренцева морей и их побережий. В 1721 году в Архангельскую губернию для сочинения карт были посланы выпускники морской академии. Картографическими работами в стране руководила Петербургская Академия наук, основанная в 1724 году. В 1745 году ею был выпущен в свет «Атлас Российской Империи». Во второй половине XVIII века картографические работы получили еще больший размах. Их вели Адмиралтейство, Военная коллегия, Академия наук. В 1773 году Я.Ф. Шмидтом была подготовлена, а Академией наук издана «Генеральная карта географическая, представляющая Архангельскую губернию на свои провинции разделенную». В 1792 году в Петербурге при Горном училище была изготовлена «Карта Архангельского наместничества», в 1797 году – рукописный «Атлас Архангельской губернии», в 1801 году – «Морской атлас» для плаванья судов из Белого моря до Ла-Манша.

Творцом научно составленных карт и лоций Белого и Баренцева морей стал М.Ф. Рейнеке. Итогом семилетних исследований, с 1826 по 1833 г., явился «Атлас Белого моря и Лапландского берега», состоящий из 17 карт. Помимо атласа, Рейнеке составил «Описание Белого моря» и гидро-географическое описание Северного берега России, где содержались не только сведения, которые необходимы мореплавателям, но и данные о прибрежных селениях, занятиях жителей, экономике и быте, животном мире, климате, водном режиме рек, и о многом другом. Это была своего рода энциклопедия Белого моря.

В XVIII веке Академия наук предприняла широкое изучение различных территорий Российской империи. За изучение и освоение Севера энергично выступал наш земляк М.В. Ломоносов (1711–

1765 г.) Он наметил программу исследований и создал проект северной морской экспедиции для отыскания удобного пути с Мурмана в Сибирь и на Дальний Восток, благодаря чему «усугубиться может Российская слава, соединенная с беспримерною пользой», составил «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». По его проекту Адмиралтейская коллегия построила в Архангельске три специальных судна с двойной обшивкой корпуса. На этих судах в мае 1765 года под начальством В.Я. Чичагова экспедиция вышла в плавание, взяв курс на Шпицберген. Экспедиция Чичагова на парусных кораблях обследовала обширные районы. Участники экспедиции собрали большой материал о ледовой обстановке, ветрах, течениях, туманах, морских глубинах, стоянках и бухтах в районе Шпицбергена.

Значительный вклад в научное изучение Беломорья внесли культурные силы губернского города Архангельска. В.В. Крестинин написал ряд исторических исследований о торгово-промышленной жизни Беломорья, А.И. Фомин опубликовал серию статей о морских промыслах на русском Севере и выпустил книгу «Описание Белого моря». В 1813 году было опубликовано «Описание Архангельской губернии» К. Молчанова, «Очерки Архангельской губернии» В. Верещагина. В начале 1856 года Морское министерство направило на русский Север «Литературную экспедицию» для описания жизни промышленников, т.е. тех, кто занимался морскими промыслами. Возглавил ее талантливый писатель Сергей Васильевич Максимов (1831–1901 гг.) Его путевые записи в 1859 году были изданы двухтомной книгой под названием «Год на Севере». В книге он изобразил тяжелый и опасный труд поморов-рыбаков и зверобоев – их смелость, высокие душевные качества, отсутствие уныния и подавленности, несмотря на кабальную зависимость от богачей и материальные лишения. Написанные ярко и убедительно, очерки Максимова получили широкое распространение в России. Благодаря сочинениям Максимова, русская читающая публика смогла познакомиться с жизнью народа на Севере. В 1861 году С.В. Максимова за книгу «Год на Севере» наградили малой золотой медалью Русского Географического общества.

По заданию Министерства государственных имуществ обследованием рыбных и зверобойных промыслов на русском Севере

занималась научная экспедиция профессора Н.Я. Данилевского. Она должна была определить запасы рыбы в водах Севера и возможности увеличения ее вылова, изучить организацию промыслов, способы добычи и обработки рыбы и морского зверя. Летом 1859 года она работала на Терском берегу в районе Кандалакши, Умбы, Кузомени, а в 1860 году знакоилась с состоянием лова рыбы и зверя на Мурманском берегу, посетила главнейшие промысловые становища. Участники экспедиции Данилевского пришли к выводу, что вообще северные воды не могут дать рыбы много больше того, сколько ее вылавливается, но «у нашего Лапландского берега», благодаря влиянию Гольфстрима, «рыболовство может считаться неисчерпаемым» и вестись в неограниченных размерах. Труды Данилевского, опубликованные в 1862 году, ориентировали правительство и русскую общественность на дальнейшее развитие морских промыслов Мурмана.

Экономические отношения и торговля

В начале XVIII века в крайне бедственном положении оказались зверобойные и рыбные промыслы. Естественные богатства морей до этого времени считались собственностью феодального государства, которое позволяло использовать их всем желающим, но взимало за это промысловую десятину, сбор с судов и «явку» с людей. В XVI–XVII веках морские промыслы, кроме ловли рыбы в прибрежных частновладельческих тонях, были вольными, то есть доступными для всех, причем промысловики имели право беспрепятственно распоряжаться своей продукцией – выловленной рыбой, добытым зверем. Они могли продавать ее скупщикам в районе промысла или отвозить в города и селения к непосредственным потребителям.

Правительство Петра I нарушило давно заведенный порядок. В 1704 году оно отдало сальные и тресковые промыслы Севера частной компании, в состав которой вошли царские любимцы: А.Д. Меншиков, П.П. Шафиров и их друзья Иван Григорьев и Степан Копьев. Торговцам строжайше запрещалось скупать продукты морского промысла. Ловить рыбу и бить зверя никому не возбранялось, однако добычу промысловики могли продавать на рынке или по договорным ценам компании князя А.Д. Меншикова. В последнем

случае они освобождались от уплаты установленных пошлин. Компания получала монополию, то есть право скупать сало, кожи, клыки морских зверей, тресковый жир и другие продукты морского промысла. Местным властям было предписано зорко следить за тем, «чтобы никто, кроме компании, не занимался скупкой монополизированных продуктов». Виновных штрафовали, незаконно скупленные продукты подлежали конфискации.

Большинство мелких промысловиков не могло одновременно заниматься промыслом и вести торговлю на рынке. Раньше они сбывали свою продукцию скупщикам, которые съезжались в район промысла и, конкурируя друг с другом, давали подходящую цену. Теперь волей-неволей приходилось отдавать ее компании за бесценок, так как арендовать суда и везти товары на рынок было еще убыточнее. За пуд сухой трески компания платила рыбакам по 30-35 копеек, а сама тут же на Мурмане перепродавала ее иностранцам по 60-70 копеек. За бочку сала зверобоям платили 3 р. 50 коп., а продавали за 6 рублей. Это был грабеж как рядовых тружеников, так и хозяев, снаряжавших на промысел суда и покрученников. Некоторые из них вскоре разорились. Петр I, видя, что «компанейщики оный промысел к государственной прибыли умножить не могут», в 1722 году отменил монополию.

После смерти Петра правительство возобновило отдачу промыслов монополистам. Ими были купец Евреинов, барон Шафиров, иноземец Шамберг (друг Бирона, фаворита царицы Анны Иоанновны). В отдельные годы монополистами были государство, казна, но это не меняло существа дела. Монополисты нисколько не беспокоились о развитии промыслов, строительстве кораблей и предприятий, освоении новых районов, улучшении техники. Все они старались побольше получить прибыли.

В 1748 году царское правительство отдало монополию на скупку сального промысла сроком на двадцать лет графу П.И. Шувалову, в 1750 году он же получил монополию на тресковые промыслы. Подобно компании, Шувалов скупал у закабаленных поморов продукты промысла по самым низким ценам. За пуд сала он платил 30-40 коп., а сам продавал его в Архангельск по 80 копеек. В результате чрезмерной эксплуатации дела на промысле пришли в упадок. В конце 50-х годов XVIII века вылавливалось всего 30-40 тысяч пудов трески.

В 1762 году Шувалов умер, а его сын Андрей, боясь ликвидации монополии, перестал кредитовать поморов. Не имея средств, многие прекратили ходить на лов трески. К тому же промысловая обстановка на Мурмане была неблагоприятной – рыбы подходило к берегу все меньше, средний улов на одного работника не превышал ста пудов. Хотя в 1762–1763 годах правительство раздало поморам в виде ссуд на обзаведение промысловым снаряжением 1906 рублей 30 копеек, но улов не увеличился, а деньги должники возратить не могли «за сущим изнеможением». В 1763 году было выловлено не многим более 20 тысяч пудов рыбы. В Поморье возникли серьезные трудности в продовольственном снабжении населения, которое в основном питалось мурманской рыбой, снизилась платежеспособность, недоимки по налогам росли год от года. Расследование, проведенное архангельским губернатором, показало, что на Мурмане резко сократилось число людей, ведущих промысел. В 1747 году лов вели 643 промышленника, в 1765 году – 187 человек.

Монополия коснулась и сельдяного промысла. Система монополий обогащала кучку феодалов и ограничивала торгово-промышленную деятельность остальных. Чрезмерные привилегии отдельных вельмож вызывали недовольство среди трудового народа и даже среди столичного дворянства. В придворных кругах слышался громкий ропот на «несправедливость, созданную господам Шуваловым», которых считали «изобретателями» монополий.

Особенно сильно ненавидели монополии торговцы и промышленники, добивались ликвидации их архангельские купцы. Правительство под напором народных масс вынуждено было отказаться от монопольной системы. Указ от 1768 года повелевал отдать промысел сала, кож, клыков морских зверей, а также трески «в вольную и свободную куплю и продажу». Этим же указом была ликвидирована монополия на сельдяной промысел в Белом море, которая с ноября 1765 года находилась у каргопольских купцов Маркова и Прибыткова. Ловом и скупкой разрешалось заниматься «всем невозбранно».

Отмена монополий несколько облегчила положение беломорского населения, жизненный уровень его стал заметно улучшаться, часть поморов обзавелась промысловым инвентарем, увеличилось число самостоятельных промысловиков. В эти времена свободного предпринимательства в Беломорье, как на дрожжах,

росла мелкая буржуазия. Однако развитие капитализма не принесло трудящимся массам существенного облегчения – беднота, как и прежде, не могла выйти из долгов, работала на кредиторов и купцов.

Благодаря энергии и предприимчивости поморов промыслы стали восстанавливаться. Увеличилась добыча моржового и тюленьего сала, вылов трески с 1778 по 1789 год увеличился в два раза. На Белом море стал успешно развиваться сельдяной промысел.

Отмена монополий не избавила народ от эксплуатации. Почти все выгоды от ликвидации монополий и духовных вотчин достались богачам – владельцам промыслов и торговцам. Так же, как и прежде, остались обременительные казенные службы, плата при выходе на промысел и при возвращении с него. Крестьянская война 1773–1775 годов заставила царское правительство пойти на некоторые уступки торгово-промышленному населению. Манифестом 1775 года были отменены сборы с рыбных и зверобойных промыслов, салотопен, кузниц, мельниц, с жилых помещений, сдаваемых внаем, бань, амбаров, а с 1780 года прекратилось взимание пошлины при выходе на промысел и при возвращении с промысла. Все эти мероприятия повысили деловую активность беломорского населения. По словам академика И.И. Лепехина, поморы «ревностно принялись за отцовские промыслы». Бывший солдат, сопровождавший ученого в его поездке по Белому морю, Петр Турчасов, вместе со своим товарищем «построил и снарядил корабль... и, нагрузив оный лаборданом (малопросольная треска), соленую палтусиною и корюшкою, поехал в Петербург для продажи».

Обычным местом сбыта промысловой продукции для поморов был Архангельск. Оживленная торговля велась в Коле в период прихода промышленников на весенние промыслы. О торговой жизни Колы в конце XVIII века А. Пошман писал: «В марте и апреле месяцах происходит здесь великий съезд и торговля по случаю отъезда из разных мест промышленников на рыбную и звериную ловлю... Сии промышленники привозят с собою на продажу по небольшому количеству узких холстов, разного рода уды и иные потребные для кольских жителей вещи... Покупают здесь до отплытия своей шляпки хлебные припасы, разного рода веревки, прядено оростяжное (тонкие бечевки к ярусу), парусину, треску соленую, юфти

и другие надобности, кои кольские и отчасти и иногородние купцы привозят из Архангельска и Онеги в летнее время, в сие же время доставляют в Колу хлеб и другие съестные припасы. К обратному отъезду чужеродные купцы нагружают свои суда закупленными в Коле вещами, как то: из рыбы – семгою, трескою, палтусиною, пикшею, сушеными и солеными головами трески, салом ворванным, мягкой рухлядью (пушшиной), оленьими кожами и иными товарами...» И далее: «В залив Кольский заезжают иногда и чужеземцы, возвращающиеся из Архангельска, закупают тут рыбу и солят».

Михайло Ломоносов

Так же как и все поморы, ранней весной с «полой водой» выходил на лов трески из устья Северной Двины Василий Дорофеевич Ломоносов. Его суденышко «Святой Архангел Михаил», подгоняемое весенними ветрами, шло через море к Трем островам, к страшному для поморов, именуемому во всех морских лоциях святоносскому сувояу. Здесь, у длинной и узкой иглы Святого Носа, воды студеного Белого моря сталкиваются с водами Баренцева моря, приливные течения достигают 11 километров в час. Вода кипит, бурлит, образуя водовороты, воронки, бьет волна. Этот район с XIII века носил название «кладбища кораблей». Редко кто рисковал пройти через сувой, и потому у подножия косы на несколько верст была проложена деревянная дорога, по которой от одного конца до другого перетаскивали суда волоком.

От святоносского сувоя до становища Рында, места промысла Ломоносовых, совсем недалеко. Рында знаменита тем, что сюда с десяти лет и до девятнадцати с отцом приходил на промысел наш знаменитый земляк Михайло Ломоносов. Как и все поморские мальчишки, сначала он был зуйком: наживлял и отвивал (распутывал) ярус, ремонтировал снасть, подметал пол, варил уху. Промышляли Ломоносовы обычно около берега, но иногда уходили на Териберскую банку и в другие места, где было больше рыбы. Во время этих поездок юноша Ломоносов испытал все трудности и опасности плавания в северных морях, попадал в жестокие штормы, когда разбушевавшаяся стихия в любую минуту могла потопить или разбить судно. Такое, по словам Ломоносова, ему «пять раз изведать случилось».

Во время поездок Ломоносов хорошо узнал все побережье: побывал на восточном Мурмане, на птичьих базарах у Семи островов, на острове Кильдин, в Коле. Ему все хотелось увидеть и узнать. Была в нем непреодолимая тяга к учебе, к чтению книг. В то время учебу считали пустой забавой и учиться пришлось тайком, урывками. И все же к десяти годам он овладел основами грамоты, потом читал «Псалтырь», после чего перешел к книгам, которые всю жизнь называл «вратами мудрости» – «Арифметику» Магницкого и «Грамматику» Смотрицкого.

В девятнадцать лет Михаил убежал из дому и пешком, с путным обозом рыбы, пришел в Москву учиться. В Москве поступил в Московские Спасские школы. Поморский характер, благородная ломоносовская «упрямка» помогли Михаилу Васильевичу преодолеть трудности жизни и учебы. В двадцать лет он стал учить латынь, а к тридцати был гордостью русской науки – первым русским академиком, основал первый русский университет и, по выражению А.С. Пушкина, сам «был первым русским университетом».

Становище Шельпино

Недалеко от знаменитой Рынды находится становище Шельпино – место промысла моих земляков-унежомов, отца Матвея Максимовича, дядюшек Ивана и Александра, деда и прадеда. Не одну сотню лет ходили мои предки ловить треску в губу Шельпино.

Губа Шельпино небольшая. При входе в нее есть несколько островков и подводных луд. С северной стороны четыре подводные скалы, издавна прозванные «Зубаткины зубы», прикрывают подход к острову Могильный. Могильный – небольшой островок, на нем кладбище. К югу от него – еще скалистый островок, вотчина фактора Савина, царя и бога Шельпино.

На южной стороне его располагалась фактория: жилые дома, бараки для покрученников и вольнонаемных, склады для рыбы и снаряжения, лавки, баня, пекарня. Тут же, около складов – причал для погрузки и разгрузки судов. Губа в южной части обсыхает во время отлива, а в северной достаточно глубока. Между островом Могильный и восточным берегом была стоянка рейсового парохода, курсировавшего по Мурманско-Беломорской линии.

Западный берег скалистый, в некоторых местах отвесный, восточный более полого спускается к заливу. Губа и становище со всех сторон закрыты горами, а с севера – островами, что создает особый климат. На островах и берегу залива множество птиц, в основном чайки и чирки.

Становище Шельпино по сравнению с другими малое. Расположено оно на восточном берегу залива (губы). В северной части поселка стояло шесть станов нюхчан (из села Нюхча Беломорского района КАССР), дальше на юг – двенадцать избушек (станов) унежомских промысловиков.

В конце поселка – еще два стана, сделанных из шняки. Такие жилища были не редкостью на Мурмане и «строили» их быстро и просто: распиливали непригодную для лова рыбы шняку пополам, опрокидывали килем вверх, распиленную сторону заделывали досками, ставили дверь, прорубали окно – и дом готов. Внутри – стол, топчаны для спанья, печка. Таким образом, из одной шняки можно было сделать два стана. В одном из таких «жилищ» помещался Базанов Михаил Васильевич, наш унежом, с сыновьями Иваном и Павлом. За этими двумя станами на берегу бухты была салотопка факториста Котлова, а дом и причал – в северной части становища, около нюхотских станов.

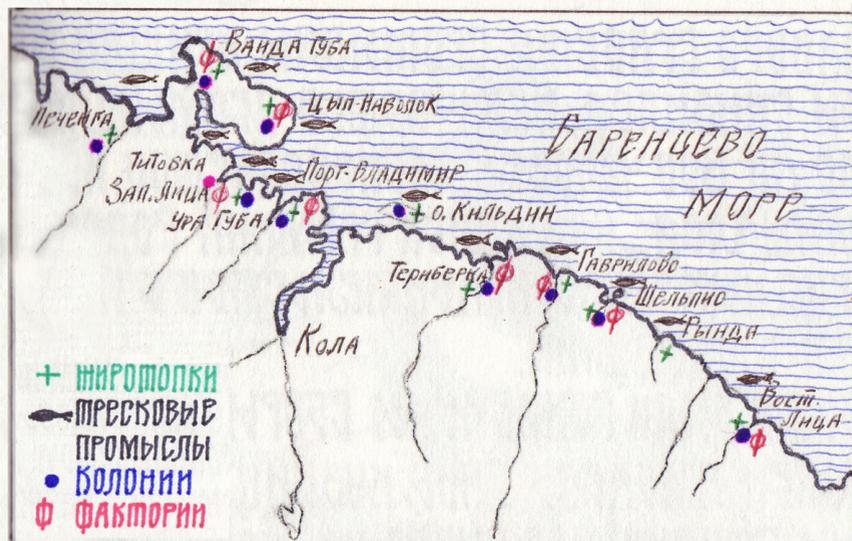
Впоследствии Котлов разорился: дом был снесен, салотопка закрыта. Произошло это, видимо, не без участия Савина, могущественного конкурента. На месте дома Котлова построил себе стан М.В. Базанов.

В середине поселка между станами нюхчан и унежомов стояли дома колониста Максимова и его сыновей, сараи, баня и причал. Дома Максимовых выглядели добротно: бревенчатые, обшитые вагонкой, окрашенные – как дворцы среди шалашей. Максимов с сыновьями занимался промыслом, скупкой, засолкой и продажей рыбы. От этого они, видимо, имели немалый доход и первые в Шельпино купили сначала один моторный бот, а затем и второй. Недалеко от их домов стояла маленькая церквушка, вернее, часовенка, за нею – колодец, дальше – глядень, место, с которого просматривались все окрестности – становище и море. За поселком рыбаков в южной стороне было шесть домов колонистов – постоянных жителей Шельпино.

1– 6	Станы нюхчан	22	Стан Евтюкова Федора Егоровича
7	Колодец		
8	Церковь	22а	Стан Епифанова Матвея
9	Стан Базанова Михаила Васильевича	23	Стан Егорова Прокопия
10–13	Дома и хоз. постройки П. Максимова	24	Стан Ульянова Никандра Абр.
14	Стан Куколева Аф. Куз.	25–26	Станы, сделанные из шняки
15	Стан Акилова Николая Григорьевича	27	Салотопка Котлова
16	Стан Куколева Федора Акимовича	28–29	Дома колонистов Павловых
17	Стан Куколевых	30	Дом колониста Иванова
18	Стан Егорова Ивана	31	Дом колониста Иванова И.П.
19	Стан Ульянова Матвея Максимовича	32	Дом колониста Филимонова И.Ф.
20	Стан Евтюковых	34	Глядень
21	Стан Евтюкова Егора Евсеевича	35	Стоянка рейсового парохода

Заселение Мурмана, фактории

Заселение восточного Мурмана представляло последний этап освоения незаселенных районов европейского севера Российской империи. Появление оседлого населения на восточном Мурмане, на местах становищ, куда на лето поморы приезжали ловить треску, относится к первой половине XIX века. Первопоселенцами были русские и карелы. Первой русской оседлой колонией стала Терйберка, в 1875 году была основана колония Рында, к 1890 году в ней насчитывалось 9 дворов, хозяевами которых в основном были поморы из Унежмы и других сел. В 1840 году карелом И. Редькиным была основана колония Гаврилово. Колония Шельпино была основана примерно в то же время финном совместно с русским крестьянином из Унежмы. В 1880 году на Кильдине поселился норвежец, в Зеленцах был один житель Кнюцен, норвежец по происхождению.



Карелы первыми основали постоянные поселения на западном Мурмане. В 1840–1890 гг. ими были заселены Печенга, Княжуха, Труфаново, Оленья Горка, Гагарка и др. Заселение Мурманского побережья постоянными жителями привело к образованию факторий, развитию капитализма на Мурмане. Фактории стали центрами торговли, а фактористы пользовались правами колонистов. Первая фактория была открыта в бухте Корабельной в 1869 году, затем они возникли в Еретиках (порт Владимир) и в Шельпино. В 1881 году их было уже восемь, в 1894 году – двадцать. Кроме того, в становищах было открыто четырнадцать лавок (магазинов). Фактористы имели собственные суда и товары закупали там, где они дешевле, а продавали подороже. У Савина (Шельпино) было два судна, лавка и пекарня. В его лавке и на складах было все, что необходимо рыбаку: съестные припасы, снасти, тара, соль, напитки, одежда, обувь. За год Савин продавал товаров на 10–15 тысяч рублей, что по тому времени считалось немалым оборотом. Но основной доход он получал от рыбы и трескового сала. Свежую рыбу, только что привезенную с моря, он скупал, засаливал, печень перетапливал и сбывал на рынках различных городов. Немалый доход он получал от мойвы, которую ему ловили покрученники, а он продавал ее промысловикам-рыбакам. На него работало до 60 человек покру-

ченников и вольнонаемных. Савин считался «лучшим» хозяином-фактористом.

«Домик для наемных рабочих... Всех рабочих до 30: они помещаются в казарме в три окна. Тут две комнаты... обе одинаково низки. Очень грязно и скверно. Если так живут люди у лучшего из хозяев, то что они должны терпеть у худших? Невольно приходило в голову, что вот человек, понимающий дело, вышедший из рутинной колеи поморских хозяев, а все-таки по отношению к своему рабочему он является таким же ветхозаветным кулаком, как остальные. И фактория его поставлена на европейский лад, и сам он выглядит немецким негодьянтом, а рабочего держит скотом, в духоте и грязи. Промышленники у Савина разделяются на покрученников и наемных. Первые промышляют из трети, на общих основаниях поморского покрута, вторые работают на заводе и при блокгаузе и получают в лето от 70 до 80 рублей, причем путь с места их жительства на Мурман оплачивается хозяином. От хозяина идет им мука, крупа, рыба. Горячее готовится два раза в день. Наемные рабочие получают чай утром и вечером, покрученники пьют свой. Кроме того, первым выпадает топленое масло, а последние к каше употребляют тресковую максу (печень). По общему мнению промышленников, положение наемных рабочих гораздо сноснее, чем покрученников... Первый при лучшем содержании получает до 80 рублей в лето, тогда как второй... не более 60 или 50 рублей. На фактории Савина выделяются наемными рабочими ярусы для лова трески и мелкочейные невода для добычи песчанки... Они славятся на всем Мурмане своею прочностью. Общий оборот фактории доходит до 15 тысяч рублей. Она на довольно далеком пространстве Мурманского берега скупает сало и максу, треску и палтусину, как соленую, так и сушеную, фактория выдает вперед деньги более чем 200 рабочим, да при ней находится до 60 человек», – так писал В.И. Немирович-Данченко в книге «Страна холода. Виденное и слышанное» о фактористе Савине в 1873 году.

В 1911 году Савин продал свою факторию, владельцем ее стал Могучий Епимах Васильевич – уроженец поморского села Малашуйка. При этом хозяине порядки не изменились – та же эксплуатация покрученников и вольнонаемных, те же ужасные условия жизни и быта. Вся торговля на Мурмане находилась в руках купцов,

фактористов и колонистов. Только в 1883 году в становище Гаврилово был открыт первый на Мурманском берегу казенный магазин.

Воспоминания о Шельпино

Писавшему эти строки пришлось побывать в Шельпино в 1928 году. Тогда мне было восемь лет. Из Унежмы на рейсовом пароходе я с братьями отправился в Шельпино. Через несколько дней мы были на месте. Шельпино для меня показалось диким, неприглядным местом: ни кустика, ни деревца, только сопки голые, камни да море. И домик, наш стан, как лачуга: низенький, маленький, как деревенская банька, черный от времени и грязи. В стане была одна комната и одно окно, нары для сидения и сна, стол, в углу печурка. Под обрывом внизу – море, а с другой стороны – гора, усыпанная камнями. Станы-жилища стоят в ряд вдоль залива. По заливу плавают шлюпки и карбасы, а дальше, где поглубже – ботики, шняки, ёлы. На берегу множество чаек и чирков. На любую приманку они набрасываются стайей, вырывают друг у друга, кричат, подлетают совсем близко. Заметив рыбу в море, пикируют в воду и, поймав добычу, взлетают вверх, заглатывая ее на лету.

Я попал в совсем непривычный, незнакомый мир и понял: кончилось мое маленькое, безрадостное детство, и что для меня уготована тоже рыбацкая жизнь. Это меня, как и многих моих сверстников, пугало еще и потому, что я боялся моря. При качке (еще по пути в Шельпино) у меня появилась рвота, а это значит, морская болезнь. Это меня угнетало, ребята моих лет бегали, играли, а я стоял на палубе, мне было не до игры. Увидя меня, они кричали:

– Смотрите, смотрите, Ванька Максимовича «сеет репу»!

– Где? – спрашивали другие.

– Да вот там, на корме!

«Репа», то есть остатки пищи, кончилась, но меня все равно тошнило. Было до слез обидно: ведь в нашей многочисленной семье среди мужчин не было никого, кто болел бы морской болезнью.

Отец со старшими братьями почти всегда были в море, на лове трески, а мы с Михаилом и Дмитрием – на берегу. Брал нас отец на Мурман в основном для того, чтобы прокормиться. В один из тихих солнечных дней мы втроем на карбасе поехали в море. Отойдя от становища километра три, Михаил начал ловить рыбу

поддевом. Вскоре в карбасе было с десяток рыбин и мы поплыли обратно под парусом. Скорее домой! – потому что отец не разрешал одним выходить в море. Тогда в Шельпино мне удалось побывать несколько раз на лову, увидеть живую треску и седое Баренцево море.

Редко приходилось видеть отца и старших братьев дома. Отдыхали и спали они мало. Когда приезжали, мы варили уху с балками. Вся наша еда состояла из рыбы, иногда пшенной каши. Чай, уха, рыба – ежедневно повторяющаяся пища. Отец был большой труженик. К этому он приучил всех нас. На его горбу держалась вся наша многочисленная семья.

Несколько слов о «зуйках». Как и во всех становищах, в Шельпино тоже было немало зуйков. Зук – это вроде ученик, подмастерье. На него возлагалась вся домашняя работа, а кроме нее он должен был разбирать тюки и наживлять ярус. Часто наживлять приходилось поздно вечером или ночью.

Наживлять снасть – работа непростая. Надо взять мойву или песчанку в левую руку, а уду в правую, и пропустить уду через всю рыбку до головы, так, чтобы уда по всей рыбке прошла внутри.



СУРОВАЯ СЕВЕРНАЯ ПРИРОДА, ОТСУТСТВИЕ ПЛОДОРОДНЫХ ЗЕМЕЛЬ, ЖИЗНЬ У МОРЯ ОПРЕДЕЛЯЛИ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗАНЯТИЕ ЖИТЕЛЕЙ – РЫБОЛОВСТВО И ОХОТА НА МОРСКИХ ЗВЕРЕЙ.

Ночью наживочников одолевал сон, зуйки часто засыпали или дремали – «клевали носами», и тогда они становились объектом насмешек взрослых: «поехал к мамке», «едет в Унежму», совали под нос и в рот мойву.

Над зуйками насмехались и обманывали. Мой земляк, Павел Михайлович Базанов, с восьмью лет начавший плавать на Мурман, рассказывал: «Вечером, накануне Петрова дня (престольного праздника в Унежме) дядя мне говорит:

– Завтра никто не пойдет на работу, будут печь шаньги, мать будет дома.

Утром отец ушел к соседям шить парус, а дядя стал собираться в Унежму и звать меня. Я сказал, что до Унежмы далеко. На это он отвечал:

– Совсем близко. Это мы ехали по морю, кружили, а если прямо, то совсем близко, за горой. Поедим шанег, с мамкой повидаться!

Этот его довод меня окончательно убедил. Мне очень хотелось домой. Мы взяли узелок с хлебом и пошли по дорожке вдоль становища. Когда мы стали проходить поселок, мой батя, увидев нас, окликнул:

– Куда повел ребенка? Паша, не ходи с ним, иди ко мне!

Но мой дядя на этом не успокоился, решил еще раз «подшутить» надо мной. В один из дней, когда отец не ездил на промысел из-за отсутствия наживки, а другие вернулись с богатой добычей, дядя сказал мне:

– Паша, сходи к дяде Егору, попроси кутьков на уху!

Ничего плохого не подозревая, я со всех ног бросился на улицу и вскоре был около стана Евтюковых.

– Дядя Егор, дай нам кутьков на уху!

Дядя Егор, всегда ласковый и добрый, стоял передо мной чернее тучи и тянулся за палкой.

– Сейчас я тебе дам, Лутьяшка!

Лутьяшкины – это прозвище наше деревенское, берущее начало от имени моей бабушки Лутьяны Петровны. Скачала я не сообразил, в чем дело, но когда увидел в руках дяди Егора палку, понял, что мне надо уносить ноги и бросился бежать. Позже я узнал, что кутек – это ругань, так ругали дядю Егора Евсеевича. После

этого я долго боялся, не попадался ему на глаза и жалел, что обругал такого доброго человека».

В год моего посещения Шельпино со мной произошел не менее драматический случай. Вечером мы начали наживлять ярус и работали до утра. После этого я решил прилечь и погреться на солнышке. Забрался в ярусный ящик и заснул. Меня обнаружил Ванька Рабодихин (тоже прозвище) и решил подшутить. Видя, что я крепко сплю, а рядом банка с готовой смолой, он намазал мне лоб, щеки и бороду. От тепла смола потекла в глаза и в рот, мне стало больно, я проснулся и закричал. На крик сбежались мои братья – Михаил и Дмитрий, стали оттирать и отмывать. Но проклятая смола не поддавалась ничему, а глаза жгло невыносимо. Миша нашел Ваньку, наколол его, а мне от этого не стало легче. Я сидел и лежал в стану, в темноте было легче глазам.

Обманывали, смеялись не только над зуйками, но и над взрослыми рыбаками.

После трудного и опасного рыбацкого труда, иногда в непогоде, промысловики собирались у кого-нибудь в стану, рассказывали анекдоты, сказки, бывальщины. Подростки и зуйки играли в лапту, городки, карты. На шлюпках ездили на противоположный берег залива, на остров Могильный, собирали яйца, ловили мелкую рыбу в заливе и скармливали ее чайкам. Заняться другим было нечем. Газет и журналов не было, клуба тоже. Все жили сами по себе. Полностью мужское население. Иногда приезжали к поморам жены на недельку-две, но это было редко.

В становище не было никакой власти: ни старосты в царское время, ни милиционера в советское время. Полная воля. А началось это с давних времен. На Мурманском берегу никогда не было никакой администрации. Воля, полная свобода действий манили людей в этот далекий край. Здесь они были полновластными хозяевами – трудились без окриков, здесь воспитывалась вольница поморская, получала закалку молодежь.

Капитализм в Поморье

Падение крепостного права в 1861 году ознаменовало конец феодальной формации, на смену которой пришел новый общественный строй – капитализм. Это создало условия для ускоренного

развития. Невиданными темпами стали множиться промышленные предприятия, строились железные дороги, росли города и «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка», – писал В.И. Ленин. Происходили важные сдвиги и в общественной жизни. Рушились формы личной зависимости, на смену крепостному труду шел труд вольнонаемный, увеличилась подвижность населения, стал повышаться культурный уровень народа, слабели вековые традиции патриархального быта, в России формировался пролетариат.

Утвердившись и окрепнув в центре страны, капитализм стал развиваться вширь – распространяясь на новые территории, втягивая в свою сферу окраины, нарушая их замкнутость и оторванность от центра. Но буржуазные преобразования носили половинчатый характер, вследствие чего остались многие пережитки феодального строя. «Ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком изобилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие», – писал В.И. Ленин. На Севере это был кабальный покрут, крестьянская община, патриархальщина.

Ввиду того, что в Беломорье не было помещичьих земель, реформа 1861 года его почти не коснулась и осталась здесь незамеченной. Правительство упорядочило лишь административное деление и определило функции местной власти. По закону от 25 февраля 1861 года все селения Архангельской губернии были разделены на сельские общества. Ответственность за исправное несение государственных повинностей возлагалась на выборных должностных лиц – старост, писарей и сборщиков податей. В помощь им выбирались сотские и десятские. Надзор за жизнью крестьян поручался мировым посредникам – чиновникам, полиции. Они могли налагать штраф до пяти рублей и подвергать аресту до семи суток. Вопросы внутренней жизни: распределение угодий (пашни, сенокосы), рыболовных тонь решались крестьянами на сходах. Законом от 24 ноября 1866 года за крестьянами сохранялись земельные участки и промысловые угодья, за которые они должны были платить оброчную подать.

Реформа 1861 года фактически ничего не изменила в жизни крестьян Беломорья: сохранились прежние феодальные повинности,

общинное землевладение и старые дореформенные порядки, в выборных органах главенствовали богачи.

Мурман на рубеже XX века

Одним из проявлений развития капитализма на Севере в пореформенную эпоху была колонизация мурманского побережья. До 60-х гг. XIX века на мурманском берегу вообще не существовало постоянных поселений. Промысловые становища рыбаки и торговцы посещали только весной и летом.

Тресковые промыслы на Кольском побережье Баренцева моря имели огромное значение для жителей Беломорья. «Там наша морская пашня», – говорили поморы. В середине XIX века на Мурман ежегодно стекалось до трех тысяч промысловиков. Рыба, поступающая с Мурмана, являлась основным продуктом питания жителей Беломорья. От успеха рыбных промыслов зависела платежеспособность населения этого региона. Но развитию рыбной промышленности на Мурмане мешала его отдаленность от обжитых районов. Многие поморы, ходившие на лов трески, переселились бы, но переселение требовало немалых денег. Пугали оторванность, бездорожье, отсутствие торговых заведений. В случае неудачного промысла их ждали голод и смерть. Все необходимое надо было запастись летом, а затем целую зиму жить среди диких скал и снегов, совершенно обособленно.

В заселении Мурмана были заинтересованы владельцы промыслов и правительство. Вследствие захирения Колы, из-за отсутствия в ней военных сил и администрации, влияние России на Мурманском берегу резко ослабло. Норвежцы селились в пограничной зоне и промышленяли зверя и рыбу в русских водах. Архангельские власти не раз обращали внимание царского правительства на проникновение иностранцев на Мурман. «Удобнейшие места для ловли трески находятся на нашем берегу и усердно посещаются норвежскими промышленниками... Тогда как в их владениях норвежцы установили строгий порядок и присутствие сильной власти там весьма ощутительно, на нашей территории господствует анархия, которой пользуются норвежцы, с каждым годом более и более вторгаясь в наши воды, отбивая у наших промышленников лучшие промысловые места. Здесь нет никакого управления и весь мурманский

берег можно считать как бы не принадлежащим никакому государству», – писал Архангельский губернатор. Наша соседка Норвегия, где не было крепостного права, ранее России вступившая на путь капиталистического развития, к 60-м годам XIX века достигла больших успехов в развитии экономики и культуры. В Финмаркене, который не отличается по природным условиям от Мурмана, в 1866 году насчитывалось 21 тыс. человек, проживающих постоянно. В небольшом городке Вардё проживало 828 жителей, было восемь паровых жиротопенных заводиков. Район Норвегии отличался благоустроенностью, хорошими шоссейными и пешеходным дорогами, по побережью курсировали пароходы, в поселках были школы, магазины, телеграф, отели, банки, театры, аптеки, столовые, фотоателье, различные мастерские, продавались газеты – короче, было все, чего достигла цивилизация. На фоне этого на русском Мурмане неблагополучие выступало очень резко.

Усиление Норвегии заставило царское правительство принять меры к укреплению позиций на Мурмане. В 1868 году в Коле вновь было учреждено полицейское управление. Полиции для разъездов была выделена казенная ёла (парусно-гребная лодка норвежского образца), открыто отделение связи и начал работать почтовый тракт.

Правительство стало поощрять заселение Мурмана. Оно обещало освободить переселенцев от всех податей и повинностей. В 1867 году на западном Мурмане возникли постоянные поселения, в которых проживало 175 человек. В 1868 году Александр II утвердил положение о даровании льгот поселенцам Мурманского берега, по которому предоставлялось право в течение шести лет заниматься торговлей и промыслами без платежа сборов, а также привозить из-за границы для себя и для продажи мануфактурные и другие товары. Переселенцам разрешалось выдавать ссуды от 50 до 150 рублей, бесплатно пользоваться лесом: рубить до 100 деревьев. Они освобождались от податей, от призыва на военную службу в течение трех наборов. Эти льготы увеличили приток колонистов, особенно из Карелии и Норвегии.

Освоение Мурмана затруднялось отсутствием пароходного сообщения с Архангельском, Онегой, Кемью, Сорокой, прибрежными селениями. Купцы и промышленники Севера неоднократно поднимали вопрос об учреждении регулярного пароходного сооб-

щения для поездок на Мурман и обратно. Каждый раз власти отказывали, не желая «обременять казну подобными расходами». В сентябре 1870 года торговцы и промышленники Севера образовали «Товарищество Беломорско-Мурманского срочного пароходства» с капиталом в 150 тысяч рублей. Было заказано два железных парохода в Англии. В 1871 году они начали движение на линии Архангельск-Вардё, совершив за навигацию по восемь рейсов. Эти пароходы заходили далеко не во все становища, останавливались в восьми пунктах, в том числе и в Шельпино. Пароходство терпело убытки, а после того, как один из пароходов разбился на подводных камнях около Семи островов, вовсе пошатнулось. Вместо затонувшего корабля был заказан новый – «Помор». В 1874 году пайщики объявили о ликвидации «Товарищества».

В 1875 году за организацию пароходного сообщения взялся московский капиталист Чижов, создав «Товарищество Архангельско-Мурманского срочного пароходства». Чижов приобрел четыре парохода, два из них обслуживали Мурманскую, два – Кандалакшскую линии. Несмотря на все это, транспортные связи оставались в неудовлетворительном состоянии: суда ходили редко, расписание нарушалось, отсутствие телеграфа не позволяло сообщать населению о времени прихода судна. Во время открытия навигации, когда поморы спешили на летние промыслы, судов не хватало. На пароходах не было никаких удобств, в каютах третьего класса, предназначенных для простого люда, было тесно, грязно, душно. Почти ничего не делалось для безопасного плавания судов: от Святого Носа до норвежской границы не было ни одного берегового знака.

В 1895 году, в связи с истечением срока договора товарищества, в адрес правительства поступило ходатайство о продлении и расширении деятельности пароходства. 15 мая 1895 года был подписан новый договор, по которому правительство увеличило размер субсидии пароходству до 227 тысяч рублей в год. Было приобретено еще несколько пароходов. Начиная с 1903 года промышленники из селений западного Беломорья могли, не заходя в Архангельск, ехать на Мурман.

Были приняты меры к улучшению условий судоходства вдоль мурманского берега. К 1911 году тут имелось уже 15 маяков и 46 береговых знаков и башен. В 1911 году было издано новое пособие для судоводителей – «Люция Мурманского берега Северного

Ледовитого океана от острова Вардё до Белого моря». Кроме Архангельско-Мурманского срочного пароходства, существовало частное пароходное предприятие капиталиста Буркова, перевозившее грузы и пассажиров, когда возникала сезонная потребность.

О том, в каких условиях ездили рыбаки Беломорья на Мурман, говорил на съезде промышленников в 1913 году Е.В. Васильев: «Промышленники, едущие на Мурман, переносят ужасные бедствия в пути на кораблях Мурманского общества... Палуба завалена подчас бочками, а на бочках под открытым небом в холод и непогоду ютится промышленный люд, не смея подчас и уснуть, дабы океанская волна не смыла его за борт. Такие условия отбивают охоту от Мурмана и заставляют довольствоваться скромным домашним заработком».

После реформы 1861 году морские рыбные промыслы стали более успешно развиваться. Уровень ежегодной добычи рыбы с 300–400 тысяч пудов к началу 80-х годов повысился до 500–600 тысяч пудов, а к 1882–1883 годам – до 900 тысяч пудов. Этому способствовала благоприятная промысловая обстановка и возросший спрос на рыбу. Сюда устремились скупщики из Риги, Петербурга и других городов. Цены на рыбу повысились в несколько раз – в 60-х годах пуд трески стоил 15–20 коп., а в начале 80-х годов – 65–70 копеек. Рост цен на рыбу побуждал быстрее развивать промыслы. Кулаки-поморы строили и закупали новые суда, «крутили» бедноту и отправляли на Мурман. Заметно увеличилось количество промысловиков, работающих на паях. В 1885 году на тресковых промыслах было 1159 судов и 4963 рыбака.

Богачи-судовладельцы держали в своих руках весь поморский парусный торговый флот (лодья, шхуны, суда), предназначенный для доставки на Мурман продовольствия и рыболовных снастей, дров, пиломатериалов, а также для перевозки рыбы в Архангельск, Онегу, Кемь, Петербург, Ригу. Повышению добычи рыбы способствовало улучшение орудий лова: хлопчатобумажная бечева вместо пеньковой, удобные и прочные стальные крючки машинного изготовления, медные вертушки для поддева. Стала применяться импортная непромокаемая одежда: роконы (куртки) и буксы (брюки). Но эти улучшения и изменения были едва заметны, промыслы продолжали сохранять свой дореформенный облик: шнячно-ярусный способ лова, покрутная организация труда. Рыбная про-

мышленность существовала в форме мелких кустарных предприятий. К более крупным фактористам, имеющим по 40–50 рабочих, относились колонисты Кононов (Териберка), Савин (Шельпино). Около 90% рабочих, занятых на промысле, были жители Кемского, Онежского и других уездов Севера.

Царское правительство не принимало никаких мер к улучшению ведения промысла. Не было службы информации о движении, сосредоточении рыбы, лов велся наудачу, вслепую, отсутствовала спасательная служба, страхование судов не велось, не было учреждения, которое занималось бы снабжением солью и тарой. Неблагоприятная промысловая обстановка, начиная с 1885 года, в районе Рыбачьего и Цыпнаволока, привели к снижению добычи рыбы. В 1887 г. было выловлено 278 тысяч пудов, в 1888 г. – 396. Промысел переместился на восточный Мурман, в район Териберки, Гаврилово, Шельпино. Здесь промысел шел успешно и улов рыбы несколько поднялся: в 1893 году – до 550 тысяч пудов. В связи со снижением добычи рыбы Россия вынуждена была закупать ее за границей.

ЛОВ РЫБЫ В БАРЕ-
НЦЕВОМ МОРЕ РУССКИ-
МИ РЫБАКАМИ ВЕЛСЯ
ВСЛЕПУЮ, НАУДАЧУ.
СПОСОБ ДОБЫЧИ ОСТА-
ВАЛСЯ ПОТРЕШНЯ-
ЧНО ЯРУСНЫЙ, УСЛО-
ВНЯ НИЗНИ-СТАН-ИЗ-
БУШКА ОБРАЗЦА XVI В.



ДОБЫЧА РЫБЫ ПОСТОЯННО КОЛЕБАЛАСЬ. НЕБЛАГОПРИЯТНАЯ
ПРОМЫСЛОВАЯ ОБСТАНОВКА НА ЗАПАДЕ ПРИВЕЛА К СНИЖЕНИЮ
ДОБЫЧИ РЫБЫ В 1887 Г. ДО 287 ТЫС. ПУДОВ.

Ранее богатые рыбные промыслы на западе Мурмана стали истощаться. Треска в больших количествах не подходила к берегам, а скоплялась в области теплого течения, примерно в 100 верстах от берега. На таком расстоянии парусные суденышки – шняки и ёлы – не могли вести лов. Вылов рыбы уменьшался из года в год и сократился к 1914 году по сравнению с концом XIX века наполовину. К тому же край постепенно прибирали к рукам иностранцы. Норвежские купцы истребляли китов в наших водах, на западном побережье началось расселение пространных подданных, которые захватывали лучшие участки и распространялись все дальше и дальше на восток – до Териберки. Снабжение наживкой оказалось в руках норвежского купца Кнюцена. Некого Гильфельда, тоже иностранца, называли королем западного Мурмана: он скупал здесь всю рыбу. Снабжение солью находилось в руках англичан, они привозили «ливерпульку» и сбывали местным купцам, а те продавали рыбакам. Соль была очень плохая, портила рыбу, в ней было 40% химических примесей. А в то время в Норвегии промысел велся на моторных ботах, была организована разведка местонахождения рыбы.

Начало новой эры

Учитывая зарубежный опыт, русские промышленники стали обзаводиться судами большего радиуса плавания. В 1906 году Н.Л. Копытов начал промысел рыбы в открытом море с помощью трала. В 1913 году К.Ю. Спаде устроил базу для тралового лова в Порчнице. Он выловил около 52 тысяч пудов рыбы. Начинания Копытова и Спаде означали поворот от ярусного к траловому лову рыбы.

Гражданская война и интервенция Антанты полностью подорвали промыслы, они находились в плачевном состоянии: промысловых судов стало в два раза меньше, вылов рыбы сократился в несколько раз, снасти у рыбаков изнашивались, не небольших стареньких суденышках было опасно выходить в море – при первом же шторме они могли развалиться. На побережье Мурмана не завозили соль, нечем было солить рыбу.

В 1920 году Красная Армия полностью очистила мурманское побережье и Беломорье от интервентов. С этого времени началось планомерное освоение вод Баренцева и Белого морей. Был создан плавучий Морской НИИ (Плавморин). Декрет о его создании

подписан В.И. Лениным 10 марта 1921 года. Для восстановления рыбных промыслов, несмотря на тяжелое положение республики, Совнарком РСФСР выделил мурманскому Управлению рыбных промыслов 4680 пудов промыслового снаряжения, 17 тысяч пудов продовольствия, 1400 пар обуви, 1600 комплектов непромокаемой одежды. Совет труда и обороны под председательством В.И. Ленина принял постановление о закупке за границей орудий лова и промыслового снаряжения. Из центра на промысел стали поступать соль, тара, хлеб, строительные материалы, одежда. В начале 1921 года Совет труда и обороны принял постановление закупить моторные бота и орудия лова за границей. В том же году в Норвегии было закуплено 19 моторных ботов, 66 ёл и лодок, 258 тюков готовой снасти, 2 миллиона крючков (уд). К осени 1921 года промышленники выловили 300 тысяч пудов рыбы.

Хотя еще не была ликвидировала разруха, восстановление рыбных промыслов шло успешно. Этому способствовала отмена государственной монополии (1922 г.) на лов рыбы. Промыслы после этого стали оживать еще быстрее. Более широко стал применяться траловый лов. В 1925 году траулеры выловили в два с половиной раза больше рыбы, чем в 1920 году. Это была заслуга наших поморских капитанов: С.Д. Копытова, Н.М. Буркова, Ф.М. Михова, Я.А. Богданова, И.Н. Демидова, чьи имена вошли в историю создания мурманского тралового флота.

Город Мурманск стал северной рыбацкой столицей. В 1925 году в Мурманске начала работать бондарная мастерская, которая обеспечивала рыбаков тарой. В годы первых пятилеток траловый флот получил хорошее подкрепление: в Мурманск стали прибывать суда второй серии, закупленные за границей. Всего поступило за годы первой пятилетки 34 паровых и 10 дизельных траулеров. В январе 1932 года в Мурманск пришел первый отечественный траулер, а к концу года их было уже одиннадцать. С каждым годом креп и набирал силу траловый лов рыбы, а учебно-шнячный отмирал.

К концу 1932 года рыбные промыслы Мурманна полностью перешли на траловый лов. И тогда большинство поморов, особенно кто помоложе, стали покидать родные села, где они родились и жили, уезжали в Мурманск навсегда. Там они поступали в траловый флот матросами, рыбмастерами, засольщиками, штурманами. Как ни горько было покидать родные места, но море тянуло, манило,

звало, без него помор не мог жить. Оно – его стихия, друг, кормилец. Траловый флот рос, нужны были специалисты. И многие деревенские мужчины и ребята стали учиться: окончили курсы, техникумы, а иные и высшее мореходное училище, стали судоводителями, механиками, штурманами и другими специалистами.

Далеко в прошлое ушли времена, когда рыбаки-поморы были рабами моря и кулака-кровопийцы. Забыта горькая нужда, убогая жизнь в кулацкой неволе, постоянная забота о куске хлеба. Забыты старые слова – порождение горькой жизни дореволюционных рыбаков. Покрученник! Кому известно теперь в Беломорье, что это значит? Разве лишь старые люди помнят. Зуёк! Разве теперешние дети поморов знают, что это такое? А услышите ли вы теперь в Беломорье слова ёла, шняка, ярус, наживка? Они ушли в прошлое. Не поддевом и не ярусом теперь рыбак ловит, не на углу суденышке, как раньше, выходит в море! На вооружении рыбаков трал, а «посудина», как раньше говорили – траулер.

